

РАДУГА,

ЖУРНАЛЪ

**ФИЛОСОФІИ, ПЕДАГОГИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

СЪ

присовокупленіемъ

**ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ
ЗАПИСОКЪ,**

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

5А

Книжка пятая.

135

N° 98604

РЕВЕЛЬ. 1852.

Въ типографіи наследниковъ Линдфорса.

РАДУГА,

ЖУРНАЛЬ

ФИЛОСОФІИ, ПЕДАГОГІИ И ИЗЯЩНОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

съ

присовокупленіемъ

ОСТЪ - ЗЕЙСКИХЪ
ЗАПИСОКЪ,

издаваемый

А. БЮРГЕРОМЪ.

Переплетъ второй.

Книжка пятая, шестая, седьмая и восьмая.

РЕВЕЛЬ. 1832.

Въ Типографіи наследниковъ Линдфорса.

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 10. September 1832.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
der Ostsee-Provinzen.

Regierungs-Rath, Baron v. Kossillon,
Censor.

Содержаніе Радуги:

	Стр.
Изъ перваго Христологическаго чтенія Г. Сарторбуса	315
Окончаніе 4. Опломка Философскаго Мозанка:	
Сила Припаяженія	323
Первое замѣч. на 5. Опломокъ опъ Философскаго Мозанка	337
Золота Арфа и Кремлевская Скрипка. Басня	350
Біографическое извѣщеніе о Гаманѣ	351
Изъ размышленій Гамана о собственной жизни	353
Изъ переп. Жан-Поля Рихтера съ Христіан. Општо. (Прод.)	362
5. Опломокъ опъ Философскаго Мозанка:	
Нѣсколько строкъ въ Исторію Наукъ	373
Графъ Сен' Симон' и Сен' Симониспы	379
Осколокъ опъ Философскаго Мозанка:	
Повѣдка Философа въ Дилижансѣ	385
Капли изъ дождя познанія	390
Духъ современной Германіи	393
Письмо принадлежашее. Изъ переписки Понцера	424
6. Опломокъ опъ Философскаго Мозанка:	
Нѣсколько строкъ изъ Философій Христіанской	434
7. Опломокъ опъ Философскаго Мозанка:	
Обозрѣніе нравственно-историческаго романа о кометахъ	438
8. Опломокъ опъ Философскаго Мозанка:	
Мысли при чтеніи замѣчія Менцеля о Философій въ Германіи	452
О воспитаніи	458
Прощаніе умирающаго	476
Медвѣдь испещъ	478
Изъ переп. Жан-Поля Рихтера съ Христіан. Општо. (Прод.)	479
Его Сіятельству Генераль-Фельдмаршалу Графу Остенъ-Сакену. Въ день именинъ	481
Русскій переводъ повѣстей Гофмана	482
Записка Рихтера во Франціи	486
Шведсборгіане	488
Осколки опъ Философскаго Мозанка Г. Простодумова:	
Новая Философія. Понцлуй	489
Метафизикъ	490
Крохи (Brocken) Гамана: Себялюбіе	490
Осѣдлость	491
Капли и Брызги дождя познанія. Торжественно истины	491
Вверхъ и Внизъ	491
Счастье. Маленькая жена. Браки. Оспроуа ума	492 и 493
О перчанкѣ брошенной Г. Академикомъ Велланскимъ	495
О воспитаніи	504
Объ Индійской Мифологіи	512
Великое открытіе въ Германіи	527
Изъ переп. Жан-Поля Рихтера съ Христіан. Општо. (Прод.)	533
Пшюкке	539
Конечній Советъ. Басня.	543
Лисюкъ	544

Новорожденному сыну Н. Н. Б — на	Стр. 545
Сужденіе Нѣмца о Россіи	546
Дума	547
Герменевническое разсужденіе о Созданіи міра, или изъясненіе прехъ первыхъ дней Творенія міра	550
Объ Индійской Мифологіи	564
Параграфы изъ Философской Грамматики	577
Уединеніе	594
О Жан-Поль	595
Базедовъ	597
Примѣръ новаго мудрованія	599
Океанъ за разумъ взялся	602
Неясное мѣсто въ предисловіи къ Физикѣ Г. В.	604

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ.

Второе по древности Училище въ Ревелѣ	Стр. 65
Историческія опривки объ Училищахъ въ Дерпигъ	63
Нѣсколько словъ о библіотекахъ въ Ревелѣ	70
Кораблекрушеніе	75
Изъ пупевыхъ записокъ Г. Генерала Деливрона	79
Разговоръ на Бульварѣ	82
Императоръ въ Ревелѣ	87
Кораблекрушеніе. (Оконч.)	92
25. Іюня въ Ревелѣ	95
Ревельская Библіографія	104
Предписаніе Ревельскаго Магнспрапта 1691. г. объ одеждахъ	105
Шведскій Шпашъ Академіи въ Дерпигъ, а попомъ въ Пернавѣ	108
Свѣдѣніе о существующемъ въ городѣ Ревелѣ обществѣ брашневъ Черноголовыхъ	110
Свѣдѣнія о переводѣ Библии на Эспіонскій языкъ	116
Смеборгъ	119
Ревельская Библіографія	123

Р А Д У Г А.

ИЗЪ ПЕРВАГО ХРИСТОЛОГИЧЕС-
КАГО ЧТЕНІЯ

Профессора Дерптскаго Университета *Сар-
ториуса*, напечатанныхъ 1831. году.

..... Лишь полуобразованные, поверхностные умы могутъ говорить, что великіе успѣхи сдѣланные въ новѣйшее время Астрономіею доставили намъ другія свѣденія о Богѣ и Божественныхъ предметахъ, нежели Священное Писаніе. Я утверждаю напропивъ, что сіи-то блестящіе успѣхи и послужили къ блистательнѣйшему подтвержденію Богопознанія, почерпаемаго изъ Священнаго Писанія. Ибо чѣмъ величественнѣе представленіе, которое приобретаемъ мы чрезъ Астрономію о могуществѣ Божіемъ, тѣмъ сообразнѣе оно съ Священнымъ Писаніемъ, въ которомъ Богъ является спользу великимъ и неизмѣримымъ,

сколько земля изображается малою и ничтожною, подножіемъ ногъ Божіихъ, какъ говоритъ пророкъ Ісаія, 66, 1: »аще вси языцы, аки капля опъ кадѣ, и аки плуновенія вмѣлилися Іса. 40, 15. Сіи же самыя успѣхи убѣждаютъ насъ въ чудесности всемогущества Божія до такой степени, что почитались невозможными чудеса встрѣчающіеся въ Библии, нынѣ не инымъ чѣмъ можетъ быть почитено, какъ безуміемъ. Умничаіе обыкновеннаго человѣческаго разума, судящаго обовсемъ по естественному воззрѣнію и по чувственнымъ опытамъ, и опсваживающагося опверганъ все, что противно его попятіямъ, почиталъ все такое непоспимымъ и невозможнымъ, обращено въ ничтожество самою Коперниковою системою. Нынѣ ничего естественнаго и сообразнаго съ опытами — мысли, что земля со всемъ нашимъ недвижимымъ имѣніемъ пребываетъ постоянно на одномъ мѣстѣ, и что солнце и звѣзды обращаются вокругъ насъ, такъ, что мысль эта перешла въ обыкновенный языкъ нашъ. Не смотря однакоже на то мысль эта ложна; земля обращается вокругъ себя и вокругъ солнца съ скоростью, стольже невѣроятно великою, сколь непримѣтно малою. Мы носимся съ ужаснѣйшею быстротою по міровому пространству и вовсе не ощущаемъ дви-

женія сего, не примѣчаемъ даже перемѣнъ въ положеніи неподвижныхъ звѣздъ въ продолженіи годового кругообращенія нашего, и все это, не смотря на то, что противоречитъ естественному сужденію, неоспоримо истинно. Если это не чудо, то что же это такое? Что въ Библии столько чудесно, какъ это? Вознесеніе Христа, всемогуществомъ Божиимъ изънимаго изъ предѣловъ земли и поднимаемаго въ простираніи выспрення, болѣе ли удивительно и чудесно, нежели плаваніе звѣздъ по пустому простиранію, нежели правильное хожденіе планетъ и кометъ—на лучахъ притяженія по необъятнымъ пулямъ своимъ. Что не возможно для Бога, Который столько великое творитъ, Который съ молніевою быстротою въ одно мгновеніе соединяетъ отдаленнѣйшіе міры и безъ вещественнаго прикосновенія заставляетъ ихъ одинъ на другой дѣйствовать, такъ что даже не большой мѣсяцъ на разстояніи пятидесяти тысячъ миль могущественно движетъ моря наши. Истинно, чудеса, встрѣчающіяся въ Библии, ни мало не больше, а только рѣже чудеса въ природѣ, какъ сказали уже одинъ изъ древнихъ Отцовъ Церкви. Раздѣленіе небольшого Чермнаго моря при переходѣ Израильянъ ни мало не чудеснѣйшее, но только болѣе рѣдкое происшествіе,

чѣмъ ежедневный приливъ и опливъ Океана. И Кпо въ силахъ влажностъ земли и воздуха на вѣтви виноградной превращишь въ вино, Тотъ пакъ же можетъ превращишь и обыкновенную воду въ вино, какъ то было въ Канѣ Галилейской.

И пакъ великолѣпное писаніе звѣздное вмѣстѣ съ цѣлою великою книгою природы научаешъ насъ познавать того же самаго Бога силы и величія, Котораго открываетъ намъ простое писаніе Библии. Посл. къ Рим. 1, 19. и слѣд. Но къ чему же въ такомъ случаѣ Библия, можно бы сказать, когда она намъ покажетъ самое открываетъ, чему и безъ нее научаешъ насъ природа и разумъ? въ отвѣтъ на это можно бы сказать весьма много; но я замѣчу только главнѣйшее, что въ то же время покажетъ намъ отношеніе Слова Божія къ Астрономіи. Звѣздное небо открываетъ намъ безконечное величіе и славу Божию споль необъятно, споль неизмѣримо, что открываетъ се превышаетъ всѣ наши чувства и мысли. Сіи міриады міровъ въ безконечныхъ пространствахъ, сіи легіоны звѣздъ всякихъ величинъ, сія рѣка солнцевъ, пекущая млечнымъ путемъ — нашъ духъ смущается безмолвно дивясь и поникаетъ въ безсиліи подъ бременемъ могущества и величія, всѣ приѣмы превышаю-

щаго. Опустни, вскрицаешъ Шилмеръ въ спиховореніи своемъ: *Die Größe der Welt*:

Опустни,

Орлиная мысль, твои крылья,

Опважная плавательница, фанпазія,

Опустни здѣсь въ безснліи свой якорь.

Но — потѣже спиховорець сознается, чино есть нѣчто еще высшее, обращаа спихъ къ Аспрономамъ:

Конечно, предметъ вашъ есть возвышеннѣйшій въ пространствѣ,

Но, друзья, не въ пространствѣ обитаетъ высокос.

Священное писаніе предспавляетъ намъ Бога въ большемъ, возвышеннѣйшемъ и удивительнѣйшемъ видѣ, нежели безмѣрность и безпредѣльность міра, и припомъ не увеличивая, не разширяя сей безмѣрности, но уменьшая и сужая ее. Это кажется пропировечіемъ, но не смотря на то — истина неоспоримая. Величественно, быть величественнымъ и безпредѣльнымъ; но величественнѣе и возвышеннѣе, Самому ограничить Себя и унижить, самопроизвольно сложить съ Себя блескъ величія — и изъ любви сдѣлаться малымъ и униженнымъ, изъ любви къ малымъ и низшимъ. Возвышенно быть выше всѣхъ, но возвышеннѣе низходить съ высоты и служить другимъ съ любовію. Богъ есть высочайшее величество, Царь Царей, прсвыше всѣхъ предѣ-

лювъ, вѣченъ, всемогущъ, неизмѣримъ; небо и небо небесъ недовѣляютъ ему, 3. кн. Царствъ Гл. 8. ст. 27. Такимъ представляеть намъ Богъ Священное Писаніе и такимъ представляеть намъ Его Звѣздовѣденіе — Богомъ славы. Но Священное Писаніе сверхъ того при величій Бога въ огромности — изображаетъ намъ величіе Его в малѣ, при величій въ высоинѣ величіе въ глубинѣ, при возвышеніи — униженіе, при всемогуществѣ — милосердіе, при славѣ — рабскій образъ Бога; и это главная цѣль Священнаго Писанія, и этимъ возвышаетъ оно дивное впечатлѣніе, производимое обоими видами величества Божія до чрезвычайности. Пбо естественнѣе, что, чѣмъ кно выше, тѣмъ болѣе должно быть его низхожденіе, чѣмъ кно могущесуществованіе и величественіе, тѣмъ большаго можетъ отвергнуться. Богъ можетъ наиглубже низойти, ибо онъ Навысочайшій, можетъ наибольшаго отвергнуться, ибо наибольшимъ обладаетъ. И такое глубочайшее низхожденіе представляеть намъ Священное Писаніе главнѣйшимъ и основнымъ членомъ Христіанскаго Вѣроученія и въ разительнѣйшей противоположности съ величествомъ и слагою Божіею изображаетъ намъ оное величайшимъ чудомъ Божіей любви. Богъ воплотился, Сынъ Божій спалъ человекомъ,

Божественное, естество преклонилось въ естество человеческое и соединилось съ нимъ въ одномъ лицѣ, въ Иисусъ Христѣ — что можно сказать удивительнѣйшаго, изумительнѣйшаго. Еслили безконечность, безпредѣльность, слава Божія въ міръ приводитъ насъ въ высочайшее удивленіе, то не должны мы быть болѣе изумлены, когда безконечный самопроизвольно для насъ облачается въ конечность, когда безпредѣльный изъ низходительной любви къ намъ ограничивается плѣсными предѣлами человѣчества, когда Царь славы спавишился малымъ и ничтожнымъ — не переставая въ тоже время быть великимъ, безпредѣльнымъ и безконечнымъ?

И если бы Богъ могъ быть только великъ и велебнъ, какимъ представляеть Намъ его звѣздное небо, то онъ бытъ бы могущъ, но не всемогущъ; но что онъ великъ и малъ, безконеченъ и конеченъ, возвышенъ и униженъ, Царь и Слуга въ одно и то же время, какъ научаетъ насъ Священное Писаніе, это лишь раскрываетъ предъ нами все величіе и всю полноту и могущеснва и любви Божіей; и спольже искренно и сердечно сближаетъ Его съ нами, сколько надънами возвышаетъ въ Его славу и велебніи. Это лишь дѣлаетъ Его предметомъ любви нашей и нашего упованія,

между тѣмъ какъ возвышенный и неизмѣримый Богъ одно лишь удивленіе, одно лишь изумленіе наше возбуждаетъ, оспаваясь опдаленнымъ опъ сердець нашихъ, не принося опрады небесной въ наше бѣдное бытіе земное, не избавляя насъ и опъ винъ и грѣховъ нашихъ. Лишь такоаго возвышеннаго, далекаго, хладнаго Бога мечпалъ вышеупомянутый спихотворецъ, когда писалъ свое сочиненіе: *Die Götter Griechenlands*, въ копоромъ, справедливо негодя на сухую нехрисіанскую Философію своего времени, жалуется, что міръ забылъ Богомъ; онъ бы не произнесъ сей жалобы, если бы зналъ Божія и человѣческаго Сына, вочеловѣчившагося Бога, соединяющаго небо съ землею, высоту съ глубиною въ жизни и любви. Необходимая поаребность человѣчества, бытъ искренно и лично соединеннымъ съ превѣчнымъ Божествомъ, которая была чувствуема во всѣ времена и идолопоклонническія, по которой удовольворенія, безъ яснаго свѣта опкровенія погруженный въ мрачныя грезы и заблуждавшійся въ неаправственныхъ мечпаніяхъ, духъ человѣческій искалъ лишь въ самомъ себѣ, поаребность сія удовольворяется съ совершенною чистотою и вполне Божественно единственно въ Хрисіанствѣ. —

Воплощеніе Бога въ Іисуса Христа, средоточіе всего Христіанства, главная задача всего Священнаго Писанія, будетъ предметомъ нашихъ чтеній.

Присоединяю мои чтенія къ Астрономическимъ чтеніямъ прошедшаго года, (*) какъ прошивуположныя имъ и еспеспвенно за ними слѣдующія. Того, Котораго мы узнали на блестящемъ сводѣ небесномъ, увидимъ мы теперь въ тѣсномъ кругу человѣчества; послѣ Богословіи *Звѣздъ* займемся Богословіею *Креста*, которые не смотря на прошивуположность свою находящаяся въ близкомъ соотношеніи, ибо, какъ говоритъ Гаманъ, крестъ есть основаніе звѣзды, крестъ есть звѣзда безъ лучей. Одинъ Богъ тамъ и здѣсь, превыше звѣздъ и подъ крестомъ, одинъ Господь, Коему принадлежатъ власть въ небѣ и на земли; различіе только то, что здѣсь ради бѣдныхъ и низшихъ, сверхъ богатой лучезарной одежды славы Онъ надѣлъ скудное одѣяніе нищеты, сквозь которое однакоже, въ доказательство, что оно только внѣшняя оболочка, по временамъ просіяваютъ лучи Божества, какъ то было въ Божественныхъ чудесахъ Господа, и въ преображеніи Его на горѣ Оаворѣ. Чѣмъ болѣе

(*) Г. Проф. Струве.

мы дивимся могуществу и величію Божию въ звѣздномъ небѣ, тѣмъ болѣе должны прославлять и великосць Благости и Милосердія, съ коими онъ низходитъ до насъ, созданій пыли. »Яко узрю небеса,« говоритъ Давидъ (Пс. 8. сп. 4. и 5.), дѣла персѣ твоихъ, луну и звѣзды я же ты основалъ еси.« И тогда же присовокупляетъ: »что естъ человѣкъ, яко помниши его; или сынъ человѣчь, яко пощадиши его.« Слѣдуя сему изрѣченію, перейдемъ отъ наблюденія звѣздъ къ наблюденію Божественной любви, споль дивно ознаменовавшейся въ насъ вочеловѣченіемъ Сына Божія. »Иже во образъ Божій сый, не возхищеніемъ непщева (не считалъ хищеніемъ). быши равенъ Богу: но себе умалилъ, въ подобіи чело-вѣчеснемъ бывъ, и образомъ обрѣтесе яко же человѣкъ, смирилъ себе, послушавъ бывъ даже до смерти, смерти же крестныя.« »И Богъ его превознесе, и дарова ему имя, еже паче всякаго имени. Да о имени Іисусовѣ всяко колѣно поклонится небесныхъ и земныхъ и и преисподнихъ: и всякъ языкъ исповѣсѣ, яко Господь Іисусъ Христосъ въ славу Бога отца.« Пос. къ Филип. 2, 6 — 11.

Продолженіе 4. Опиломка
ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА.

СИЛА ПРИТЯЖЕНІЯ.

Слово *притяженіе* очевиднымъ образомъ недоспапочио для изъясненія снспемы міра. Надобно выдумати такое, которое бы выражало, въ одно и тоже время, и *притяженіе* и *центробъжность*; ибо ежели бы только *притяженіе* дѣйствовало, то весь міръ превратился бы въ одну сплошную и неподвижную массу. — Мы все знаемъ, что всякое движеніе есть *дѣйствіе*, и знаемъ также, что начальная причина всякаго движенія не можетъ быть иная, какъ *духовная*. Древніе говорили, что начала всякаго движенія должно искать въ *темлѣ* или *неподвижномъ*. — Тѣ, которые сказали, что движеніе свойственно *матеріи*, — говорили проптивъ *собспвенной совѣспн*. — Вопросъ вотъ въ чемъ: движеніе, или *послѣдствіе* и *совокупность* движеній образующихъ, напри- мѣръ, какое-либо ископаемое, распеніе или жи- воппное, свойственны ли *матеріи*? — Идея ма- теріи необходимо ли заключаетъ въ себѣ идею изумруда, соловья, розы? — Всякое движеніе матеріи имѣетъ цѣлью и послѣдствіемъ или *разрушеніе*, или *образованіе*. — И по сему не

можно утверждать *необходимаго* движенья, не утвердивъ въ тоже время *необходимыхъ* его послѣдствій; а въ семъ смыслѣ движенье, очевидно, и непременно будетъ *соединено съ наитвердѣемъ*, — слѣдовательно предполагая, что движенье *свойственно матеріи*, должно допустить, что *и наитвердѣе равно ей сродно*. — Такимъ образомъ то самое доказательство, которое должно было *устранить духъ*, привело насъ къ нему.

Когда явилась система Невтонова; то она понравилась своему вѣку не столько своею истиной, какъ тѣмъ, что можно было перетолковать ее въ подтвержденіе тѣхъ мнѣній, кои должны были ознаменовашъ сіе гибельное спользаніе. — *Котесъ*, въ славномъ предисловіи своемъ къ *Невтоновой* книгѣ о *Началахъ*, поспѣшилъ-было утвердить, что сила притяженія *свойственна матеріи*; но творецъ сей системы (*Невтонъ*) первый возразилъ противъ мнѣнія славнаго ученика своего, публично заявивъ, что *никогда не думалъ утверждать сего*, и присовокупилъ, что до того времени совѣсть и не видалъ предисловія *Котесова* (*Богословскія письма Невтона къ Доктору Бентлею*). —

Въ самомъ введеніи къ славной книгѣ своей, *Невтонъ* объявляеши шоржественно и неоднократно, что его система не касается до *Фи-*

жики, что онъ не присвоиваетъ никакой силы централи, и что, однимъ словомъ, онъ ни мало не нахлѣренъ выступать за предѣлы Математики. — Онъ сказалъ: »Предложеніе природной центробѣжности, соснавливающей необходимое свойство матеріи, до такой степени, чтобы одно тѣло могло дѣйствовать на другое, въ нѣкоторомъ разстояніи (именно то, что утверждають нынѣ всѣ Ученые нашего времени, сго именемъ), — есть для меня такое безуміе, что я не думаю, чтобы чловѣкъ, имѣющій обыкновенную способность разсуждать о физическихъ предметахъ, могъ допустить его.« (Письма Невіона къ Доктору Бенілею; III. письмо 41. Февраля 1693. года; найти можно въ Британской библіотекѣ, Февраля 1797 года, въ IV часпи, подѣ No. 3., на снраницѣ 192.)

Онъ сказалъ въ безсмертномъ твореніи своемъ: »Когда я употребляю слово притяженіе то не физически понимаю сію силу; а единственно математически. Числапель долженъ весьма внимательно оспергаться, чтобы не вообразить, что подѣ симъ словомъ разумѣю я какую-либо причину физическую, или хочу присвоить централи притяженія дѣйствительныя и физическія силы; ибо я въ семъ трактапѣ разсмаприваю только количества и соразмѣрности математическія,

не занимающъ природою силъ и свойствъ физическихъ.» (Philos. natur. princ. mathem. Cum comment. P. P. L. Seur et Jaquier, Genevae, 1793 — 40, in 4. t. I, Def. VIII. p. II. et Schol. propos. XXXIX. p. 464)

Кларкъ, о которомъ Невтонъ говорилъ: *Кларкъ одинъ меня понимаетъ,* — сдѣлалъ, по сему предмету, замѣчательное признаніе: *»Притяженіе,«* говоритъ онъ, *»можетъ быть слѣдствіемъ двигателя; но конечно невещественнаго.»* (Impulsu Non utique corporeo); а въ примѣчаніи прибавляетъ: *»Притяженіе безъ всякаго сомнѣнія, не есть вещественное дѣйствіе; но дѣйствіе какой-либо причины невещественной.* (Causae cujusdam immaterialis, и проч. Смощри Физику Rohault; переведенную на Лашинскій, Кларкомъ, in 8. t. II. Cap. XI. §. 15. текстъ и примѣчаніе.)

Геній открытій, въ естественныхъ наукахъ, состоитъ единственно въ способности опыскивать неизвѣстныя явленія; ибо какъ искать причины въ природѣ, которая и сама есть одно явленіе? — Онъ можетъ прилагать явленія, еще неизъясненные, къ такимъ дѣйствіямъ, кои уже извѣстны, (и которыя мы принимаемъ весьма несправедливо за причины). Такимъ образомъ тошъ, кто открылъ круговращеніе крови, полы расшѣній, — сдѣлалъ,

безъ сомнѣній, важную услугу для наукъ; но *открытіе явленія* ничего не имѣетъ общаго съ *открытіемъ его причины*. — Невтонъ заслужилъ безсмертіе, опнеся къ *тяготенію* такіа явленія, копорыхъ до него, ни кто не осмѣлился приписать оному; но лакей сего великаго человѣка зналъ не менѣе о *причинахъ тяготѣнія*, какъ и Господинъ его. — Пѣкопорые Самозванные послѣдователи Невтона, за копорыхъ покрасѣлъ бы онъ, ежелибъ могъ возвратиться на землю, дерзнули утверждать, что *припязненіе есть законъ механическій*. Никогда Невтонъ не произносилъ сей хулы на *здравый смыслъ*, и напрасно усиливаются сіи люди имѣть учасникомъ въ своемъ преступленіи споль славнаго человѣка.

Спало послѣдователи Невтона, птвердя непреспанно о *небесной Физикѣ*, прямо противорѣчаютъ своему Учищелю, копорый поспоянно *устранялъ отъ своей системы всякую идею о Физикѣ*. — Они говорятъ, что *припязненіе не есть система; но событіе*; однакоже на опытѣ открываеиша, что оно не *чтоиное, какъ система*, и система ихъ собственная. — Не очень еще давно (въ 1819. году) Королевская въ Парижѣ Академія предложила слѣдующую задачу: *Можно ли составить изъ чистой теоріи Луныя таблицы такъже со-*

вершенныя, какъ тѣ, кои составлены изъ наблюдений?

Слѣдовательно это *подлежитъ еще сомнѣнію*. Сама Парижская Академія въ этомъ еще не *уверена*. А какъ скоро такъ, то и общему здравому смыслу, безъ всякихъ глубокихъ вычисленій, не можетъ быть запрещено (*) мыслишь такъ: Движеніе тѣлъ небесныхъ не болѣе причинственно, какъ и всякое другое. Каждое видимое движеніе должно происходить отъ движенія предшествовавшаго, ежели оно *последственное*, или отъ *какой-либо воли*, ежели оно *первоначальное*. — Лжеименные Невпоніанцы обязаны сказать: кѣмъ *именно* *вещественный двигатель*, кѣмъ поручили они водить тѣла небесныя въ пустомъ и безконечномъ пространствѣ, *кроме ихъ Эфира*, о комъ можно прочесть сочиненія *Лесафа Жевескаго*, чтобъ убѣдиться во всей крайности *безумій разума*? — Хотя подобныя системы и недостоинны возраженія; но онѣ безцѣнны въ томъ отношеніи, что обнаруживаютъ всю степень опьяненія сего рода Философовъ, кои умъли бы подкрѣпить мнѣнія свои предполо-

(*) Думая, что сила притяженія есть не болѣе какъ наблюдение въ формулахъ представленное — не можетъ быть запрещено.

женіями болѣе сносными, ежелибы они существовали.

Такимъ образомъ пришли мы къ *невещественной причинѣ движенія*. Теперь вопросъ только въ томъ: оспанавливаясь ли на причинѣ *последственной*, или поспчасъ взойти къ *первоначальной*? — Но въ томъ и другомъ случаѣ гдѣ *силы* и разныя ихъ *сопряженія* и, — гдѣ вся *механическая система*? — Одна слѣпая вѣра въ злоупотребленное имя Невинцова могла доселѣ налагать на всѣхъ молчаніе; но какъ скоро изъ *собственныхъ словъ* его мы узнали, что люди объявляющіе себя его учениками, прикрыли только его именемъ, *всклепали на него совершенное ему противорѣчіе*; то кно запрешитъ намъ и каждому мыслящему человеку, думать по-своему; и, не вводя ни на кого изъ *мертвыхъ* своихъ *сообщенныхъ* предложеній, свободно излагать ихъ:

Тѣла небесныя вращаются попому, что воля Высшая ихъ *вращаетъ*. — Кому угодно наблюдать ихъ движеніе и представлять его цифрами, очень можно, довольно легко и весьма полезно. — Никто не мѣшаетъ, и это не имѣетъ ничего общаго съ существованіемъ *необходимаго начала*. — Календари останутся.

Я гоняю лошадь на кордѣ. Ее движутъ двѣ силы: *корда*, которую я поспягиваю, чинобъ

она не сошла съ описываемаго ею круга — и *арапникъ*, коимъ хлопаю, чпобъ она въ кругъ не входила. — Пусть удаленный зритель сего движенія заключаетъ, чпо *дѣль силы* заставляющъ мою лошадь обѣгать кругъ сей. Это правда. — Пусть изчислишь онъ ея движеніе, — *изчисленіе будетъ вѣрно*; и онъ предскажетъ минушу, въ копорую явится она *на той или другой точкѣ*; но шо, однакоже, останется неоспоримымъ, чпо лошадь моя такъ бѣгаетъ единственно пошому, *что я такъ хочу*.

Невтонъ говоритъ (въ тѣхъ же Богословскихъ письмахъ къ Доктору Беншлею) какъ необходимо различать *возможность физическую отъ теоретической или метафизической*:

»*Можно ли представить,» десять тысячъ иголокъ стоящими на гладковыполированномъ стеклѣ?* — Безъ сомнѣнія, какъ скоро это простая теорія. Стоишь только предположить, чпо онѣ поставлены въ совершенномъ равновѣсіи, отъ чегоже имъ упасть? — Но какъ скоро мы переступимъ въ обласъ Физики; шо ничего нельзя предсказать *несозможнѣе*.« —

Сіе разсужденіе Невтоново прямо прилагается къ сиспемъ міра. Какъ возможно, чпобъ сія огромная машина двигалась *слабыми силами*? — На бумагѣ, въ чертескахъ и алге-

браическихъ формулахъ, еще возможно; но на самомъ дѣлѣ ни какъ. — Безъ существа дѣйствующаго, или содѣйствующаго, *порядокъ невозможенъ*; и однимъ словомъ: *физическая система міра* (говоря согласно съ Невпономъ), *физически невозможна!*

Остается только выбрать для двиганія оной Существо *первобытное*, или *сотворенное*: но и въ семъ случаѣ долго колебаться нельзя; и разумъ и преданія всей древности, (которыя нашъ вѣкъ *не даромъ* пренебрегаетъ), потчасъ разрѣшаютъ сомнѣніе.

Мы увидимъ, что *Сабеллизмъ* былъ древнѣйшимъ идолопоклонствомъ.

Что каждой планетѣ приписано особое Божество и шѣсно соединялось съ нею, присвоя оной *и имя свое*.

Что планета спутника земли оплечена отъ прочихъ, управляясь такимъ Божествомъ, которое принадлежало къ *земли*, и къ *аду*. (Tergeminamque Hecaten tria Virginis ora Dianae. Virg. Aen. IV.)

Что древніе думали, что металловъ *столько, сколько планетъ*, и присваивали каждому изъ нихъ *имя и фигуру* его планеты. (*)

(*) Прежде было 7 планетъ и 7 металловъ; но примѣчательнѣе всего то, что въ наше время число шѣхъ и

Что Іовъ утверждаетъ, *предъ Богомъ*, что никогда не гадѣлъ на звѣзды съ приближенною къ ушамъ рукою. (**)

Что Пророки говорятъ часто о *войнѣ Небесномъ*. (***)

Что Оригенъ говорилъ, что солнце, луна и звѣзды возносятъ молитвы къ Богу Вышнему *чрезъ единороднаго Сына Его*. Что когда мы молимся Богу *прямо*; то имъ сіе пріятнѣе, нежели когда *чрезъ ихъ посредство раздѣляемъ силу молитвы человеческой*. (****)

другихъ умножилось въ той же соразмерности; ибо намъ извѣстны 28 планетъ и спутниковъ ихъ, и 28 металловъ (Journal de physique, travaux et progrès dans les sciences naturelles, pendant l'année 1809, cité dans le Journal de Paris du 4 Avril 1810, p. 672, 673, No. 4.)

Не менѣе удивительно и то, что снѣгъ *полуметалловъ* и *полупланетъ*; ибо астероиды снѣгъ полупланетны.

Впрочемъ къ употребленію человека все состоитъ только 7.иъ планетъ и 7.иъ металловъ.

(**) Или не видимъ солнца возсіявшаго оскудѣвающа, луны же уменьшающіяся, не въ нѣтъ бо есть. И аще прельстися сердце мое, аще руку мою положивъ на устахъ моихъ лобзашъ? (Іова Глава xxxi, стих. 26, 27, 28.)

(***) И неспяють всѣ силы небесныя. (Ісаіа Гл. xxxiv, стих. 4.) И прошивъ всего воинства небеснаго (Іереміа Глав. viii, см. 2.

(****) Цельсусъ полагаетъ, что мы ни во что не вѣруемъ солнце, луну и звѣзды; но мы знаемъ оныя Святаго Ученила языковъ къ Римлянамъ глав. viii, см. 19 и послед.), что *галиле* бо *твори откровенія сыновъ Божиихъ тайнъ*. Знамъ, что *суетъ* бо *тварь повинуся неволѣю*; но за повину-

Чино Боссюснѣ соболѣзнуенѣ обѣ ослѣпленіи нѣхъ людей, кои не хотятъ понять духовъ, покровишелей народовъ и двигателей всѣхъ частей вселенныя.

Послѣ сей массы священныхъ и мірскихъ, древнихъ и новѣйшихъ преданій, единогласно соединяющихся въ наше нѣ смыслѣ и ученымъ міромъ, вѣроятно, еще не сведенныхъ и потому не обдуманыхъ; неужели не можнѣ бынѣ признана неоспоримою нѣ истинна, что система міра неизъяснима и невозможна средствами механическими? — Говорнѣ какнѣ образомъ она можнѣ бынѣ изъяснена и возможна въ теоріи математической — не наше дѣло; ибо сіе вывело бы насъ въ міръ Гипотезъ, совершенно для насъ чуждый. — Наша истинна, основанная на торжественно-объявленномъ мнѣніи самого Невтона, неоспорима. А какъ никакая истинна не можнѣ бынѣ въ противорѣчїи съ другою; но теперѣ должност-

шаго ю на упованїи, яко и сама тварь освободится отъ работы истиннѣ въ свободу славы гадѣ Божїихъ. — Знаемъ, что вся тварь (съ нами) совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ даже донынѣ. Еслибы въ безчисленномъ множествѣ нашихъ сказанїи о звѣздахъ, Цельсѣ слышалъ только: » Хвалите Его солнце и луна, хвалите Его вся звѣзды и свѣтъ. Хвалите Его небеса небесъ.« (Исаіомъ 148, стихх. 3. и 4.); то онъ не обвинить бы насъ въ пренебреженїи къ сему великому и хвалебному гимну Божїю, (Orig. adv. Gels. lib. v.) —

нымъ теорикамъ предлежишь выбиратьъся изъ сего затрудненія! —

Мы знаемъ, что нынѣшнія астрономическія теоріи, сноя на самыхъ глубокихъ вычисленіяхъ, доступны только весьма малому числу людей. Что попому-то и могли мудрецы наши спакнувшись *взвести на бѣднаго Невтона свои собственныя и совершенно противорѣчащія ему грезы.* — Что только попому, въ продолженіи *почти двухъ столѣтій* сей *невинный обманъ* и осмѣивался пайною маленькаго ихъ сословія. — Что для того-то и огородили они ученость *свою* Эфесскими миснеріями. И не взирая на то, что всякая, самая высокая, истина должна быть, по самой *недѣлимости* своей, совершенно *проста*; — вывели они изъ теорій астрономическихъ какую-то, какъ-бы Религію, противъ копорой малѣйшее сомнѣніе починяется Богохульствомъ.

Ежели Ученые Чишатели наши досель на насъ не осердились; то вѣрно не осердялся и за слѣдующія признанія въ нашемъ невѣжествѣ и *солитніяхъ*:

Не вѣримъ мы ихъ механическимъ теоріямъ міра. Вѣримъ вѣмъсть съ Невтономъ (какъ выше доказано) *одной Математической ихъ гипотезъ.* И вопъ, между прочимъ, что особенно сбиваетъ насъ съ толку: Намъ вѣмъ

инвердятъ въ первыхъ урокахъ Математической Географіи, что наша планета *у полюсовъ сжата*, а подъ Экваторомъ, напротивъ того, *выпукла*. Для удостовѣренія въ истинѣ сего, говорятъ есть два средства: *Опытъ* или *геодезическое измѣреніе и теорія*. Сія послѣдняя основывается на слѣдующей *физической истинѣ*: Возьмите сферу (изъ кожи или тонкихъ мѣдныхъ обручковь), вертите ее на оси, она поднимется подъ своимъ Экваторомъ, по законамъ центробѣжности, и приметъ фигуру *сплюснутаго сфероида*. — Берутъ такую сферу, начинаютъ очень скоро вертѣть, за приделанную къ оси ея ручку, и она дѣйствительно принимаетъ сказанный видъ; и всѣ мальчики, шоржественно поглядывая другъ на друга, говорятъ: видишь какъ это *ясно*.

Но какъ подроснуть, да пообдумаютъ все, что имъ казалось доказательствомъ *яснымъ*, такъ и возникнутъ *ясныя* возраженія на сіи доказательства.

Вопервыхъ: Земля не изъ *кожи* и не изъ *листныхъ листочковъ*. — Внутренность ея — спросите у Гг. Кюве и Гумбольда — *запекана*. — Наружность же, — которую дозволилъ Богъ вскапывать, не глубже для насъ простирается, какъ на *шеститысячную часть ея радіуса*; это значитъ скоблить ея кору,

ползати по гробовой крышкѣ *допотопнаго міра*. — Тутъ что находимъ? — Воду и землю. — Еслибы предположивъ эту огромную массу *сперва неподвижною*, (какъ то и необходимо въ механической системѣ) вдругъ двинувъ въ сущій ея ходъ; но что бы вышло? — Обищалище чловѣка и животныхъ было бы совершенно разрушено водою, которая бы вся хлынула къ экватору, въ то время, какъ быспроша, едва начавшагося движенія, *не успѣла еще сдѣлать его выпуклымъ*. И такъ земля необходимо должна была имѣть ту же самую фигуру, которую теперь имѣетъ, *до начала своего суточного движенія*.

Второе: Тѣ Физики, которые не только не предполагаютъ сотворенія міра по книгѣ Бытія, но даже и сердятся при словѣ о немъ, — какъ могутъ утверждать, что земля возвысилась подъ Экваторомъ отъ такого движенія, которое по собственнымъ словамъ ихъ, *не имѣло начала?* — Гдѣ тутъ Логика?

Третье: Отбросивъ вѣчность матеріи, и, допустивъ, слѣдовательно, что міръ имѣлъ начало, мы просимъ нашихъ *Механиковъ* сказать намъ только: Кію изъ нихъ *цупалъ* землю при ея сотвореніи, и можетъ утвердить, что она была тогда *мягкою?* — Кію объѣхалъ

се въ то время и доказаль, что она была круглою? —

..... Что дѣлать, надобно, хоть и съ большимъ спрахомъ, но вымолвить — что общепринятая доселѣ теорія хороша только для маленькихъ школьниковъ, копорыхъ убѣждаетъ верченье кожаной и мѣдной сферы; да для тѣхъ, кои, пользуясь легковѣріемъ и лѣнью полуученыхъ, спрояшъ на семь верпящемся основаніи свой системы *центроблжностей философскихъ*, въ копорыя хопяшъ — убѣжашъ опъ Бога! — Но *камо пойду отъ духа Твоего и отъ лица Твоего камо блъжу?* — *Аще възду на небо — Ты тамо еси!* — *Аще сниду во адъ — тамо еси!* (Псаломъ 185. сп. 7. и 8.)

Первое замѣчаніе на 3. Опломокъ ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА.

»Общество значить связь, въ копорой пожертвованіе собою есть единое начало порядка и единое средство къ его охраненію.«
»Добровольное пожертвованіе всякаго человѣка самимъ собою обществу находящися въ одной Христіанской Религіи, и сія жертва состоить изъ *всего* *человѣка*: изъ пожертвованія собственными его мнѣніями и личнымъ образомъ

мыслей; изъ пожертвованія самою ею жизнью, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ польза общая того требуетъ.» Вотъ слова Господина Просподумова. —

Здѣсь не ясно, какое общество Г. Просподумовъ разумѣетъ. И опъ не ясныи сего понятія происходятъ весьма многія другія неясности.

Изъ Священнаго Писанія извлекается понятие о двухъ обществахъ, изъ коихъ одно есть — *Церковь*, а другое — *Государство*. —

Какое изъ нихъ разумѣлъ Г. Просподумовъ? Первое или второе? или соединилъ онъ оба въ одномъ понятіи?

Соединеніе сихъ двухъ понятій въ одномъ не возможно: это ясно не только изъ множества споровъ, бывшихъ объ этомъ до насъ, но и изъ самыхъ словъ Спасителя, сказавшаго впервыхъ, что Его Царство не опъ сего міра, во вторыхъ, чтобы отдаваемо было Богу Богово, а Цесарю Цесарево.

Если разумѣлъ Г. Просподумовъ подъ именемъ общества Церковь, то безъ всякаго сомнѣнія справедливо, что въ Церкви человекъ долженъ добровольно жертвовать всѣмъ собою, безъ всякаго изъятія. Но зачѣмъ тогда сказать о выгодахъ? зачѣмъ прибавлено: »въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ польза общая того тре-

буешъ.»? — По слову Священнаго Писанія мы всѣ должны быти членами одного тѣла: а сіе тѣло естъ Церковь — Тѣло Хриспovo. Церковь и Богочеловѣкъ сущъ Тѣло и Душа — единый сославъ. — Если я увѣровалъ въ это, то, жертвуя всѣмъ собою, спанули я помышлять о выгодахъ? Или спанули ожидашь, чпобы польза общая опъ меня жертвъ попребовала? Довольно, если Хриспосъ мнѣ сказалъ: »Аще кто грядешъ ко мнѣ, и не возненавидишь отца своего и матеръ, и жену, и чадъ, и бранію, и сесиръ, еще же и *душу* свою, не можешъ мой быти ученикъ. И иже не носитъ крестъ, и въ слѣдъ мене грядешъ, не можешъ мой быти ученикъ.« Я и безъ всякихъ другихъ побужденій, единспвенно изъ любви къ Хриспу, все эшо добровольно исполню.

Сверхъ того я не нахожу никакой близкой и непосредспвенной связи пожертвованія моими мнѣніями, моимъ образомъ мыслей, моими склонностями съ общею пользою. Не знаю, какая польза другимъ членамъ Церкви, когда я опрекусь опъ моихъ мыслей и склонностей — и какой вредъ для нихъ, если я этого не сдѣлаю. Радовашься могушь сыны Церкви при моемъ опрѣченіи опъ ложныхъ мыслей и дурныхъ склонностей и горевашь, когда я

упорно сплану удерживають ихъ: но пользы или вреда для нихъ шумъ нѣтъ никакого. Лишь бы оспавались эти мысли и склонности безъ вліянiя на другихъ.

Еслиже бы для пользы членовъ Церкви и нужно было, чтобы я опрелея оныя мыслей, мнѣній и склонностей своихъ, то я безъ всякаго сомнѣнiя исполню это, и исполню даже, положимъ, добровольно, т. е., не будучи принужденъ къ тому: но чистая ли будетъ это жертва съ моей стороны? Меня не принудили правда къ тому: но развѣ я не былъ къ тому по крайней мѣрѣ побужденъ, извнѣ побужденъ? Я увидѣлъ, что пожертвованiе мое нужно для пользы членовъ Церкви, и исполнилъ его. Могу ли же я его назвать совершенно добровольнымъ пожертвованiемъ? Я думаю, что самая чистая жертва Христу есть та, которую приношу я ему безъ всякаго внѣшняго побужденiя.

Не думаю, чтобы выраженiе: »въ нѣхъ случаяхъ, гдѣ польза общая того пребуеетъ« относилось только къ пожертвованiю жизнью; ибо спомнѣть только заглянувъ въ Испорiи, чтобы увидѣть, чѣмъ пруднѣе пожертвованiе — мнѣніями, склонностями или жизнью.

Если слово: Общеснво въ снахъ Госп. Просподумова не соопвѣстивуеетъ Церкви,

которая есть Общество, преимущественно на первой заповѣди Господа основанное, на заповѣди вссердечной любви къ Богу; но оно нѣмѣ менѣе соопвѣтствуетъ Государству, Обществу преимущественно основанному на второй Господней заповѣди, повелѣвающей любить ближняго какъ себя. Если уже Церковь мнѣ говоритъ: »Заблуждайся, если ты такъ упоренъ. Мнѣ вреда ты никакого не причинишь своимъ заблужденіемъ, если только другихъ не соблазняешь. Ты себя лишь губишь. Я сокрушаюсь сердцемъ, видя тебя блуждающаго; но сокрушаюсь единственно ради тебя. Я болю о твоёмъ несчастіи, слезно молюсь къ Творцу о тебѣ; но если ты не хочешь спасши самъ себя, то самъ будешь опвѣтствовать предъ судомъ Божиимъ,« или: »Не мнѣ ты пользу принесть, обратясь на путь истинный, а себѣ самому. Я только радуюсь и ликую объ обращеніи твоёмъ, любя твое ближество; ибо и Ангелы въ Небѣ радуются и ликуютъ, когда обратившя грѣшникъ.« Если уже Церковь мнѣ это говоритъ: то не скорѣе ли я долженъ ожидать, чѣмъ Государство мнѣ скажетъ: »Если мнѣнія и мысли твои вздорны и безумны, и склонности грубы или недобры; то не только не позволяется тебѣ служишь въ

шаконъ кругу, въ копоромъ бы пы могъ вредить мыслями и склонносшями швоими, но запрѣщаешя тебѣ и вообще имѣть вліяніе на людей. Хорошо, если пы обратишь; но я обращенія швоего не шребую, я только шребую, чтобы пы другихъ съ пути не сбивалъ,» или: »Хорошо, если мнѣнія и мысли и склонносши швои хороши; но мнѣ мало пользы въ томъ, если пы умѣешь только самъ ихъ имѣть. Умѣй передашь хорошія мысли и склонносши и другимъ; тогда я назову тебя полезнымъ членомъ моимъ.« А еслибы Государство, копорое основано преимущественно на заповѣди любви къ ближнимъ, увидѣло, что для пользы людей нужно чье-либо личное опреченіе отъ мнѣній и пр., то неужели бы ему нужно было ждать, пока тому самому угодно будетъ это сдѣлать? Но дѣло въ томъ, что Государству едвали когда можетъ быть это нужно. —

И такъ ни Государства, ни Церкви не означаетъ слово Общество въ слухѣ Г. Простодумова. Что же оно выражаетъ?

Ошибаюсь я или нѣтъ, не мое дѣло о томъ судить; говорю только откровенно, что мнѣ кажется, увѣренъ будучи, что откровенность эта будетъ приятна и Г Простодумову.

Мнѣ кажется, что слово Общество въ сѣбѣ Г. Просподумова соопивѣствуетъ поному понятію, которое составилось въ продолженіи Среднихъ вѣковъ въ Римѣ. Это идеаль духовно-свѣтскаго организма, Церковное Государство или Государственная Церковь.

Вѣка кровопролитій между народами Запада доказали неправильность сего понятія объ Обществѣ; и самое Священное Писаніе низпровергаетъ его, говоря ясно о раздѣльности Общества Духовнаго и Свѣтскаго. Въ Средніе вѣка люди мечтали, что можетъ такое общество существовать на землѣ, *какова она теперь*, мечтали даже, что оно существовало и что они были членами его. Естественнo, что этому мнимому Обществу приписывалась численна и духовная власть того Общества, которое по Св. Писанію есть Церковь и права и свѣтская власть — Государства. Но что оно было, усиливавшись противъ Св. Писанія бытъ Церковью и Государствомъ вмѣстѣ? ни то ни другое въ настоящемъ смыслѣ: оно было падшая Церковь и несправедливое Государство.

Правда, членамъ, принадлежавшимъ сему Обществу, не было нужды до того, падшее ли оно Общество было, или нѣтъ. Власть, если она уже власть, то она не откуда иначе приходитъ, какъ отъ Бога. Не правы были

Альбингензы, Гуссинны и проч., когда они не хопѣли собою жерпивованъ падшему Обществу своему: не ихъ было дѣло разсуждать, ихъ дѣло было жерпивованъ собою. Тѣ, коиорые принимали незаслуженную жерпву, сами бы должны были отвѣчать за шо. Духъ гордосни и себялюбія побуждалъ ихъ не повинованъся прѣбованіямъ ихъ общества. Но каковы же и прѣбованія были? Не простое повинованіе прѣбовалось. Общество падшее, слѣдовашельно не соспавлявище уже чиспыхъ членовъ шѣла Хриспова, прѣбовало, чшобы ему жерпивовали Альбингензы и пр. собою, жязнью своею, склонносшями своиими, мыслями своими; чшобы слѣдовашельно вспупали членами — въ совѣтъ нечеспивыхъ. На пакія ли прѣбованія Хриспіанину изъясляшъ добровольную готовность?

Папы говаривали: если я заблуждаюсь, шо и вся Церковь должна заблуждаться. Не повиновавшійся сему прѣбованію пуешъ быть не правъ, (ибо легко можно было шунъ сказать, что польза общая шого прѣбуешъ и нечѣмъ было возразинъ), пуешъ возлагалъ онъ на себя ужаснѣйшую тягошу отвѣспивенности, ибо Папа былъ Богомъ подспавленная власнъ надъ нимъ. И если бы онъ не опрѣкался опъ жерпвы, и несправедно прѣбуемой, а добро-

вольно бы подвергался ей, по отвѣспивовалъ бы за то Папа; а онъ оспался бы очищенъ душею. Но если духъ тьмы пробуждалъ не покорноснъ въ шѣхъ копорые должны были жершвовашъ не только выгодами чашпными и жизнью но и мнѣніями, короче, всѣми собою; то не духъ ли же тьмы побуждалъ и шребовавшихъ — несправедно шребовашъ такихъ пожершвованій?

Пусть тысячи такихъ находились, копорые гошовы были добровольно жершвовашъ такому Обществу всѣмъ безъ изьянія, не разсуждая ни мало о томъ, справедливо ли оно шребуетъ пожершвованія, или нѣтъ. Но всѣ ли они могли убишъ въ душѣ своей *увѣренность*, что Общество ихъ ни чистая Церковь ни чистое Государство. Всѣ ли они могли, жершвуя не только выгодами и жизнью сему Обществу (что весьма легко), но даже образомъ мыслей своихъ, или говоря *яснѣе*, своею вѣрою, даже склонносшями своими, или говоря *опяшъ яснѣе*, своею любовью, — могли ли люди, копорые не имѣли своего образа мыслей, а имѣли только вѣру, люди, копорые не имѣли своихъ склонносшей, а имѣли только любовь, могли ли они, жершвуя Обществу сими драгоцѣносшями своими, убишъ въ груди своей *чувство*, что изъ любви, преданносши и бес-

предѣльной довѣренности къ своему Обществу, жертвующъ ему нѣми священнѣйшими залогами союза ихъ съ Богомъ, кошорыхъ пожертвованіа не имѣло право требовать отъ нихъ Обществу? А если не въ силахъ они были убить въ груди сего чувства, то каковоже Обществу, пробудившему его? — Такое чувство прямо на небеса вопіеть!

Въ Западной Европѣ это понятіе объ Обществѣ Христіанскомъ господствовало почти во все времена Христіанства. Въ Россіи его не было почти никогда; ибо покушенія Никона ничего не значатъ намъ, гдѣ противное основаніе пустило глубокіе корни. Въ Россіи Церковь и Государство разграничены при самомъ введеніи Христіанской Вѣры. Церковный уставъ, приписываемый Владиміру, попому уже, замѣнимъ кспани, нельзя начинать подложнымъ, что въпервыхъ онъ основанъ на споль чиспой Испинѣ, воппорыхъ, что все направленіе Русской Исторіи и весь духъ ея согласны съ его постановленіями. Могло ли бы это бытъ, если бы онъ былъ сочиненіе какого нибудь Монаха XIII. вѣка, а не одинъ изъ коренныхъ уставовъ, данныхъ Россіи при самомъ началѣ ея? Да и что побуждаетъ начинать его подложнымъ? (*) Развѣ имя Фотій не могла

(*) См. Ист. Карамзина т. I, стр. 238 и прим. 506.

быть описка? Развѣ Ярославъ въ своемъ успавѣ не могъ прибавить поспановленія, которое бы противорѣчило первому, если это нужнымъ оказалось? И что, кромѣ тяжёбъ о наслѣдствахъ (Ярославомъ и опнесенныхъ къ мірской власти) и мѣръ и вѣсовъ было по сему успаву въ вѣденіи Духовенства, что бы собственно принадлежало власти Мірской? — Не только, кажется, подложнымъ нельзя назвать сей успавъ; напротивъ, его-то бы и должно назвать источникомъ того счастливаго духа, который, только въковъ миромъ оебняетъ Россію; миромъ, говорю, ибо что значить междоусобія за мірское достоинство? что значить брани съ врагами внѣшними? что значить самое напряженіе всѣхъ силъ Россіи противъ самозванцевъ? что все это значить въ сравненіи съ кровопролитіями, которыя причиняли на Западѣ власи Духовная и власть Свѣтская? Можетъ ли что-нибудь быть еще ужасно, какъ кровопитная борьба *Совѣсти* съ *Волею*? Не должно ли назвать всѣ войны миромъ въ сравненіи съ этою войною? Не такъ счастлива была Западная Европа.

И замѣчательно, что въ Западной Европѣ — кака бы сторона ни одерживала верхъ, ибѣхъ ли, которые повелѣвали, или тѣхъ, которые повиновались, — все къ одному заблуж-

денію уклонялась побѣдоносная спорона — къ мечтѣ о Свѣтско-Духовномъ Обществѣ. Чего хотѣли Папы, къ тому же спремались въ послѣднее время и Иллюминашны и множествѣ другихъ сектъ. Однимъ хотѣлось осчастливить землю, давъ ей личнаго представителя Спасителя на землѣ, вокругъ бы котораго она могла быть, какъ въ Новомъ Иерусалимѣ вокругъ Самого Агнца будетъ. Другіе, отвергая личное представительство Спасителя на землѣ, и объясняя по своему пророчеству о Судѣ Божіемъ, мечтали, что Новый Иерусалимъ могутъ насильно низвести на землю и усиливались скрытно и явно и достигать сей мечтательной цѣли и усмирять все препятствовавшее тому.

Все это характеризуетъ Западную Европу и почему-то ей одной всегда было свойственно. Проникалъ въ послѣднее время и въ Россію по шопъ, по другой духъ: но въ Россіи онъ не могъ укорениться. Въ Россіи обыкновенно принимали всякій такой заносный незнакомый духъ за усовершенствованное просвѣщеніе и плѣнялись имъ и проникались имъ. Но до сихъ поръ не могъ ни одинъ изъ нихъ войти, такъ сказать, въ кровь Русскаго Народа, всѣ они оставались только въ умахъ очень немногихъ. И какъ планы Наполеона нашли предѣлъ въ равнинахъ Русскихъ; такъ

и всѣ эти духи, какъ бы какимъ-то въпрямь благодатнымъ развѣвающимъ по снѣгамъ ея.

Третій. Опломокъ Г. П. есть, какъ видно изъ заглавія, выписка изъ Французской книги. Это объясняетъ и направленіе и духъ снапыи.

Надѣмся, что Г. Просподумовъ не откажетъ сообщить намъ, если сдѣлаетъ какіе возраженія; ибо увѣрены, что, хотя Истина и вѣчна и явлена намъ Богомъ воплощеннымъ, но мы должны все таки искать ея, а ища ея не можемъ не попадать на разгласія; коіорыя впрочемъ соглашающіяся очень легко — беспристрастнѣмъ и Христианолобіемъ искашелей.

ЗОЛОВА, АРФА И КРЕМОНСКАЯ СКРИПКА.

Басня.

У одного поэта

Передъ окномъ опкрытымъ среди зыбна

Висѣла Арфа на спѣль;

Золова, сосновая, просная;

И путь же Скрипка дорогая

Кремонская лежала на окнѣ. —

Лишь выперъ леткою струей

Вольется въ Арфу — вдругъ, прелесныхъ звуковъ спрой

Какъ будто издали песеня;

Вопъ ближе онъ и ближе опдается;

Вопъ въперъ порхнутъ сильный,

Аккордъ звучите и звучный;

Чуть въперъ ослабеваетъ,

Звукъ тише . . . тише замолкаетъ.

Гармонія воспоргъ въ поэта льнетъ,

Онъ упоенъ онъ душою маетъ,

Передохнуть едва лишь смѣетъ,

Болсъ, что Арфу перерветъ. —

» Никакъ я не могу понять, «

Тутъ Скрипка говоритъ: » какъ могутъ звуки

Неспронные пивон людей плянать.

Вопъ, какъ мѣл возьметъ игрокъ искусный въ руки —

Тутъ правильный, пріятный спрой

И какъ сравить его съ пивосей игрой? —

И странно, право, и досадно,

Какъ люди шерпятъ спонъ такой нескладной. » —

Но вдохновенная, какъ будто не внимая

Тому, что Скрипка ей съ досадою говоритъ, —

Все сладосный, нежный звучитъ,

Поэта духъ пляная. — —

17. Апрель 1852.

И. Бенским.

Біографическое извѣстіе о *Гаманъ*.

Иоганъ Георгъ Гаманъ родился 1730. года въ Кенигсбергѣ, а умеръ 1788. года въ Мюнстерѣ въ Вестфалии. Вступивъ въ Кенигсбергскій Университетъ, онъ сначала обучался Богословію, потомъ Правовѣдѣнію. Изъ Университета вышедъ, опредѣлился онъ учителемъ сперва у одного помѣщика въ Лифляндіи, потомъ въ другомъ домѣ въ Курляндіи. Послѣ того вступилъ въ связь съ купеческимъ домомъ Беренса въ Ригѣ и ѣздилъ по дѣламъ сего дома въ Лондонъ. Въ Лондонѣ ввергнулся въ разпущную жизнь, но раскаялся и чтеніемъ Священнаго Писанія снова оживился. Въ началѣ 1759. года поѣхалъ изъ Риги въ Кенигсбергъ къ болѣеному оицу своему, который желалъ его видѣти. Съ отъѣзда изъ Риги прекратилась его связь съ домомъ Беренса и бракъ съ дочерью Беренса, въ которой Гаманъ готовился было вступить, не состоялся. У оица жилъ онъ 4 года и писалъ въ одномъ письмѣ 1787. года: » Въ сіи счастливые годы я научился учиться, и пощадишию жатвою долго жилъ.« Но плакъ какъ сиротинъ и болѣзнь оица заставляли его заботиться о будущемъ, по онъ вступилъ въ 1763. году въ Кенигсбергъ въ службу, сперва въ Магистратскую, а потомъ въ Камерную Канцелярію. Но оставаясь въ сей службѣ только полгода. Ему предлагали мѣсто въ Дармштадтѣ; но онъ не принялъ его. Въ 1765. году отправился онъ въ Милану, но въ 1767. году узнавъ о смерти оица своего, возвратился въ Кенигсбергъ, гдѣ по рекомендаціи Канша получилъ мѣсто писаря и переводчика при Акцизной Дирекціи. » Цѣлый день,« писалъ онъ къ Гердеру, » я какъ въ плугъ запряженъ; ильгоспное званіе мое; но, я не знаю, какой-то добрый испитникъ ослаждаетъ мнѣ его.« Послѣ десяти-лѣтней трудной службы дано ему мѣсто Смотрителя Пакгофа съ 300 пал. жалованія, квартирою и нѣкоторыми побочными доходами. Слѣдъ побочныхъ доходовъ однакоже лишила его въ 1782. году Генеральная Акцизная Администрація, и онъ съ 4. дѣньми впалъ въ бѣдность. Одинъ богатый молодой человекъ въ Мюнстерѣ, Францъ Бухгольцъ, узналъ черезъ Лафалера о

достоинствѣхъ и о нуждѣ Гамана и подарить ему въ концѣ 1784. года значительную сумму. Послѣ того жилъ онъ нѣсколько времени посреди друзей въ Мюнхенѣ, Дюссельдорфѣ и Вельбергенѣ. Въ 1788. хотѣлъ было онъ возвратиться въ Кенигсбергъ; но въ самый день назначенный для отъѣзда, 20. Июня, вдругъ занемогъ, и на другой день умеръ. Съ 1759. года до 1765., потомъ съ 1792 до 1776. и на конецъ съ 1779. до 1784. годовъ печаталъ онъ очень много сочиненій, изъ которыхъ однакоже ни одно не-было болѣе 5. печатныхъ листовъ, и большая часть не болѣе двухъ. Всѣ сии сочиненія написаны по какому-нибудь поводу, ни одно не писано по собственному побужденію, и еще менѣе для денегъ. Всѣ сии сочиненія заключаютъ многоство личныхъ и мѣстныхъ отношеній, но въ то же время исполнены опытныхъ наблюдений, замѣчаний о современныхъ происшествіяхъ и особенно о книжномъ мірѣ, въ которомъ онъ жилъ. Такъ какъ они не льстили господствующему вкусу, но напротивъ того рѣзко противорѣчили ему, то находились только немногіе, которые съ уваженіемъ и удивленіемъ ихъ читали; болышего же частію смотрѣли на нихъ съ равнодушіемъ и даже съ презрѣніемъ, какъ на произведенія мечтателей. Вотъ какъ онъ самъ отзывался о своемъ авторствѣ (*Autorschaft*, по его выраженію):

»Иерусалимъ — онъ городъ великаго Царя. Этому Царю, Коего имя, также какъ и слава, велико и невѣдомо, лился маленький ручеекъ моего авторства, презрѣнный, какъ воды ручія Силоа, тихо текущій. Ученосудная важность (*Kunstrichterlicher Ernst*) преслѣдовала сухую проситницу и каждый летавшій листокъ моей Музы, потому что проситница сухая — съ длиннымъ сидящимъ у дорога играла насвистывая, а листокъ леталъ и и кружился упоенный идоломъ Царя.»

Уверенность его, что непременно опадетъ справедливость его сочиненій, видна изъ многихъ мѣстъ, особенно же изъ слѣдующаго онъ 1762. года: »Легко преодолѣть двойную горечь сердца, бывъ непонимаемымъ своими современниками и бывъ за того гонимымъ, легко преодолѣть тѣмъ вкусомъ, какой мы имѣемъ къ лучшему помненью.

Къ концу жизни Гамана, свидѣтельства Гердера и Якоби объ немъ, начали дѣйствовать на публику, и многіе просили его, чтобы онъ издалъ полное собраніе своихъ сочиненій. Изъ писемъ къ Гердеру и Шейнеру видно, что онъ согласился исполнить это желанье, но что его удерживала невозможность, и самому ему пояснивъ въ нихъ все темное. Онъ сознавался приятелямъ своимъ, что о некоторыхъ мѣстахъ, сколько ни ясны они ему были, когда онъ ихъ писалъ, онъ не въ силахъ болѣе дать опчета. — Въ 1821. году начато изданіе сочиненій его Фридрикомъ Ропомъ и нѣсколько лѣтъ тому назадъ окончено въ 6. томахъ. —

Постараемся познакомить Читателей Радуги съ духомъ сихъ сочиненій, и съ симъ Христіанскимъ философомъ антихристіанскаго вѣка. Не громкого, не всепрославленнаго мудреца міра, не блестящій метеоръ увидятъ они, а скромнаго, богобоязливаго и Христовою любовью проникнутаго, открытаго, свободнаго отъ всякаго суелюбія и желанія казаться философа. »Я не въ обществахъ проповѣдую,« писалъ онъ 5. Іюня 1759. года въ Ригу къ Липперу изъ Кенігсберга; »ни школьная ни церковная каедре не прибавила бы мнѣ роспу. Быть лиліею въ долинѣ, и сокрыто распространять благоуханіе познанія, всегда останется тою гордостью, которая въ основаніи сердца и во внушеніи челоуѣкъ болѣе всего пылать должна,«

Изъ размышленій ГАМАНА О СОБСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Замѣчанія о первоначальномъ воспитаніи.

..... Прежде всего поручили меня на воспитаніе Паспору по имени Гофману. У него было спеченіе дѣшей обоого пола и всякаго

возраста. Я былъ 7 лѣтъ его ученикомъ, по произнесивъ которыхъ онъ полагалъ, что научилъ меня всему, нужному для перехода изъ дѣтскаго возраста въ юношескій; можетъ быть, это было и сознание его собственной неспособности руководить мною далѣе.

Сколько ни темны во мнѣ воспоминанія о его преподаваніи, но я помню, что оно было необыкновенное, что онъ Латинскому языку спарался научить меня безъ Грамматики.

Отсюда опали меня къ одному учителю, бывшему Проректоромъ въ Кнептофъ и имѣвшему сверхъ того частное училище, которое состояло изъ двухъ круглыхъ столовъ занятый дѣтьми. Пасынокъ его былъ его помощникомъ. Онъ былъ большой педантъ. Съ маленькаго холмика, на который было поставлено меня его предшественникъ, онъ вдругъ меня сдвинулъ и обвинять меня въ совершенномъ незнаніи, потому что я не зналъ его меноды. Начиная съ Донаша прочиталъ я у него съ неутомимостью, которой и онъ удивлялся, нѣсколько извѣстныхъ Латинскихъ и Греческихъ писателей. Мнѣ и себѣ льстилъ онъ мыслью, что воспиталъ изъ меня великаго Латиниста и Грека. Я могъ переводить Римлянина на Нѣмецкій, не понимая еще ни языка ни смысла его. Такъ и сочиненія мои

Лашинскія и Греческія были не что иное какъ книгопечатная работа, шарлатанство, въ которомъ память обжиралась, а прочія силы душевныя чахнувши, не имѣя здороваго и питательнаго сока. Сынъ его научилъ меня Ариометикѣ; но все это пропадало, когда въ то же время разумъ не воспитывался въ дѣлѣхъ. Здѣсь точно какъ въ музыкѣ, гдѣ не одни пальцы, но преимущественно уши и слухъ должны быть обучаемы и воспитываемы и упражняемы. Какъ бы скоро и правильно ни игралъ кто безъ чувства и гармоніи; онъ въ сравненіи съ самымъ ничтожнымъ скрипачемъ, умѣющимъ выражать собственные свои грезы — играть, какъ танцуетъ выученный медвѣдь. Скажу здѣсь нѣсколько замѣчаній. Первое есть то, что я думалъ, что необыкновеннымъ и бесполезнымъ прилежаніемъ въ школѣ я ослабилъ свою память, и что естественная живость моя и способности мои припомъ некоторымъ образомъ поспирали. Нище всего то, что эта метода разрушила во мнѣ весь порядокъ, можно даже сказать, всю понятливости мою, и убила во мнѣ всякую охоту. Я увидѣлъ себя вдругъ засыпаннымъ множествомъ словъ и вещей, которыхъ смысла, причины, связи, употребленія вовсе не понималъ. Я спарался все болѣе и болѣе.

безъ выбора, безъ изслѣдованія и размышленія скапливать, и эта заразительная спрасъ разпространилась на всѣ мои поступки, такъ что я наконецъ увидѣлъ себя въ лабиринтѣ, въ которомъ не находилъ ни входа, ни выхода, ни слѣда. Дошедши въ нѣкоторыхъ предметахъ далѣе, чѣмъ мнѣ нужно было, я въ другихъ, гораздо полезнѣйшихъ, совсѣмъ опспалъ; я не зналъ ни Испоріи ни Географіи, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о правилахъ слога и стихотворства. Недоспапка въ первыхъ двухъ наукахъ я никогда не могъ вознаградишь, вкусъ въ послѣднихъ пробрѣлъ очень поздно, и нахожусь въ большемъ затрудненіи, изуспно и письменно приводишь въ порядокъ и съ легкостью выражаешь мои мысли.

Честный учитель долженъ ходишь въ школу къ Богу и къ себѣ, ежели хочешь мудро исполняешь свою должность; Ему онъ долженъ подражаешь, какъ Онъ открываетъ себя въ природѣ и въ Священномъ Писаніи, и посредствомъ сихъ двухъ откровеній въ души нашей. Всемогуцій Богъ: Онъ не знаетъ ничего слишкомъ дорогаго для пользы людей, но какъ бережливъ, какъ медленъ Онъ! законъ его хозяйственности во времени, по которому онъ терпѣливо ожидаетъ плодовъ, долженъ бы бытъ и нашимъ правиломъ. Не въ томъ сила,

что? или сколько? дѣла или люди должны вообще знать, но въ томъ, какъ знать. Онъ говорилъ ученикамъ Своимъ, Въ часть, когда вамъ должно будетъ говорить, по вамъ дано будетъ во первыхъ и преимущественно какъ, попомъ что говорить. Этого порядка кажется у насъ людей совсѣмъ превращенъ; но Богу онъ собственъ и его собственными путями освещенъ. — Мы съемъ не цѣлыя распенія, и даже не цѣлые плоды оныхъ, но самую малѣйшую часть всего, съма; и даже оно излишне, такъ, что оно, его тѣло, прежде сгнить должно и попомъ лишь выйши. Но не выйдетъ съма, если земля неприготовлена и время года не уловлено. Опъ сихъ условій зависитъ прозябаніе съмени гораздо болѣе нежели опъ самаго свойства его. И попому средства, учить дѣшей, никогда не могутъ быть слишкомъ упрощены. Какъ бы они просты ни были, все еще оспаслся много лишняго, пропадающаго и преходящаго. Но они должны быть богаты дѣйствіями, заключающъ въ себѣ многообразіе и плодovitость. Начавъ учить дѣшей читать, должно бы выбирать образцы, черезъ которые умъ ихъ могъ бы приобретать свѣтъ а сердце добродѣтель, а не давая имъ первую попавшуюся книгу, и починающъ бы чтеніе побочною цѣлью даже и

погда, когда оно есть главная цѣль. Такъ и изученіе иностранныхъ языковъ должно бы начинаться вспомогательнымъ средствомъ, для лучшаго уразумѣнія отечественнаго языка, для обогащенія ума мыслями, для того, что бы научившись разлагать сіи мысли, сравнивать знаки одни съ другими, замѣчать различіе ихъ; короче, это голое занятіе памяти должно бы преобразить въ приготовленіе и упражненіе всѣхъ силъ души, въ занятіе высшими, важнѣйшими, пруднѣйшими, духовными предметами. Опъ того-то, что нѣтъ такого способа ученія, изученіе языковъ такъ трудно, такъ сухо и несносно, такъ суебно и бесполезно. Какое дѣло дѣшамъ, которыя со временемъ должны быть опцами семейству ремесленниками и пр.; или которыя престо дѣши, до подвиговъ Греческихъ и Римскихъ героевъ, до разныхъ народовъ, ихъ нравовъ и пр.? И нѣтъ менѣе извинительнъ этотъ образъ преподаванія, что есть на свѣтѣ образцы для изученія языковъ, состоящіе изъ правоучительныхъ правилъ, рассказовъ и пр. Тоже должно замѣтить и объ обученіи письму. Я думаю, что обученіе письму опшимаешь множество времени у дѣтей и стоитъ имъ весьма много труда и скуки, что оно даже нѣтъ вреднѣе бываешь чѣмъ ранѣе его начи-

нають. Вредъ здоровью, попому что за эпой рабскою надобно безпрестанно сидѣть, случай ничего не дѣлашь, покрайней мѣрѣ бышь празднымъ мыслями, въ то время какъ рука съ досадою должна прудиться..... Какая охота можетъ бышь ребенку рисовать А или Б? и неужели годы нужны для искусства писать 24 буквы? Польза ли бы начинать ученіемъ дѣшней живописи и рисованію, искусству гіероглифическаго письма? эпо было бы гораздо *легче*, попому что мы рождены подражать; было бы *полезнѣе*, ибо послужило бы къ усовершенствованію глаза, къ образованію ловкости руки и пр. Самая Исторія Искусствъ и природы человѣческой подтверждаютъ эпо. Но совершенство мірское, кажецца, состоитъ въ удаленіи отъ природы. Какими неспешными сдѣлали насъ мода и привычки и какъ трудно намъ въ наше время возвратиться къ простотѣ и невинности спаринныхъ нравовъ!

Отецъ мой видѣлъ отъ части недостатки моего школьнаго воспитанія. Онъ спарался исправить хотя главнѣйшіе изъ нихъ и поручилъ меня учителю жившему въ домѣ одной вдовой пасторши. Но шунъ, вмѣсто того чтобы довольствоваться чистымъ молокомъ Эвангелія, я попалъ на боковую дорогу, увлеченный любопытствомъ и дѣшскою мечтательностью.

тельностью: вздумалъ изучають всѣ заблужденія и ереси. Такъ врагъ души нашей и всякаго добра старается заглушить въ насъ своими плетелами Божественную пшеницу. Я наполнилъ голову свою именами и нелѣпыми спорами всѣхъ глупцевъ, бывшихъ еретиками и усиливавшихся и другихъ дѣлать ерешиками, желая чѣмъ-нибудь оплечиться. Сколько труда Богу и Его Духу, размѣшавъ весь эпостъ дразгъ копорымъ духъ тѣмы зарывають душу нашу, когда мы собираемся съ Нимъ начать спроеніе какое нибудь!

Скипаясь такимъ образомъ по предворіямъ наукъ, лишился я внупреннаго призванія, какое думалъ имѣть къ изученію Богословіи. Я видѣлъ запрудненіе въ языкѣ моемъ, въ моей слабой памяти, и множесиво ханжескихъ запрудненій въ моемъ образѣ мыслей, въ испорченности нравовъ Духовнаго соспоянія, и въ важности эпото соспоянія. Я былъ конечно правъ, починяя себя подателемъ и испочникомъ всего того, что нужно было для сего званія. Я не думалъ объ испочникѣ всякаго блага, оцъ котораго я могъ всего ожидать, чего мнѣ не доспovalo, и съ помощью котораго могъ все преодолѣть, что лежало на пути моемъ.

Наконецъ всего вкуса къ Богословіи и вообще къ основательнымъ наукамъ лишила меня новая склонность, пробудившаяся во мнѣ къ древностямъ, къ кришикѣ — потомъ къ пакъ называемымъ прекраснымъ и красивенькимъ наукамъ, къ Поэзiи, къ Романамъ, къ Филологiи, къ Французскимъ писателямъ, къ ихъ дару писанъ стихи, рисовать, живописать, правиться воображенію и пр. Отпусти мнѣ Богъ злоупотребленіе моихъ естественныхъ силъ, которыя можетъ быть, благоразумно употребленные, могли бы быть полезны и свѣту и мнѣ, которыя я могъ бы употребить на служеніе Его дому и Его дѣлу на землѣ, но которыя я пакъ изуродовалъ и исказилъ — отпусти мнѣ расточеніе драгоценнаго времени, издержки отца моего, обманутую надежду его видѣть въ дѣлахъ своихъ опору своей старости — — милосердый мой Боже! услышь и отпусти! исправь, что я испортилъ, если еще не поздно; и благослови новый годъ, которымъ надѣлишь меня. Обрати прощунки мои на улучшеніе мое; да послужають они къ шому, чинобы спалъ я наконецъ благоразумнымъ и да научають меня шѣмъ съ большею силою и ревностью предостерегають другихъ отъ шѣхъ подводныхъ камней, о копорые я самъ разшибался.

Изъ переписки
ЖАН-ПОЛЯ РИХТЕРА
съ
ХРИСТИАНОМЪ ОТТО.

(Продолженіе.)

Веймаръ 20. Октябрю 1799.

Я написалъ сапиру на Фихте и опроверженія на сорока, страницахъ. Всѣ сочиненія его лежатъ у меня на столѣ. Я узналъ его полииенистическую систему, коюрой никто не разгадаешь, не зная Спинозы.

Веймаръ 20. Генваря 1800. года.

Жена Гердера есть для меня первое явленіе женщины-друга; прежнія всѣ были съ легкою примѣсю; Эльзасскій огонь — послѣдъносиль — сила — мужество — однако и полииенистическіе виды — усупчивость противъ мужа — съ неопровержимыми предубѣжденіями противъ нѣкоторыхъ — совершенная мать — мягкая ко всему шрогательному, особенно маперинскому. О К. напишу тебѣ черезъ нѣсколько дней.

4. Февраля.

Мое сердце тоскуетъ по К. Мы Богомъ воспитаны другъ для друга. Ахъ, для чего

я долженъ былъ такъ блуждать, когда наспо-
 нная дорога была такъ близко подлѣ меня?
 добрая, только себя самое немогшая поспи-
 гать Сѣ. Я. произвела во мнѣ сильное сопрѣ-
 сѣніе, но дѣйствовала болѣе на мои сужденія,
 нежели на чувствованія и поступки. Я съ
 моею К. буду мѣняться взаимными нашими
 несходствами и чрезъ то сдѣлаемся сходными.
 Отношенія мои съ другой К. прерваны, но по
 ея волѣ. Ни когда болѣе сильная любовь не
 заслѣпѣла души моей забыть другой, прежней
 любви, и я для благородной Эмилиі Ф. Б....шъ
 буду всею чѣмъ могу и смѣю быть. Я не-
 могу ей дать пламеннѣйшаго и священнѣйшаго
 друга, какъ моя К. —

5. Февраля.

Сего дня рѣшена участь моя въ отношеніи
 къ К. Въ Декабрѣ призналась она матери
 своей о сближеніи нашемъ, и писала мнѣ, что
 не прежде будетъ опять писать, какъ послѣ
 рѣшенія. Я не писалъ. Наконецъ напи-
 сала К....шъ. Эрнеспина возвѣстила мнѣ
 бурю; Герцогина взяла спраждущую въ свое
 покровительство. К....шъ еще разъ написала.
 Это уже было не по сердцу мнѣ. Теперь на-
 конецъ сердце мое лежитъ у сердца, у сердца
 чистаго и твердаго, и ни что не вѣтряется

между душъ нашихъ. — Можешь разсказать о свадебной шайнѣ моей кому хочешь. Не перешолкуй письма Б.....шъ ко мнѣ, и не подумай чшобы я исполнилъ, чего она желаетъ. Будь здоровъ, любезной! жажду звуковъ и вѣстей отъ тебя.

Веймаръ 28. Февраля.

За мою К. долженъ я былъ недавно вести войну съ ея ддею и ожидаю каждый день вѣстей о побѣдѣ. Она хочетъ къ тебѣ писать, какъ только окончаніе эпои войны позволитъ.

Прилагаю тебѣ письмо Якоби. (Читалъ ли ты его печальное письмо къ Фихте) изъ письма Фихте скажу тебѣ только, что эпошъ великой мыслишель объявляетъ Якоби глубочайшимъ мыслишелемъ нашего времени и ставитъ его гораздо выше Канта.

ОТТО КЪ ЖАН - ПОЛЮ.

Суббота 1. Марта.

Я тебѣ кажется уже писалъ, что швоя К. — чего я въ Б. не находилъ — будетъ вмѣстѣ и моею. Мы вѣрно будемъ понимать другъ друга и она вѣрно забудетъ о моемъ глупомъ письмѣ къ ней, которое впрочемъ было писано въ чрезвычайномъ движеніи. Не

забывай; кланяйся ей отъ меня. Она мнѣ и равнилась; но ея родственники, и по, какъ они съ тобой обошлись, какъ они мелочно о тебѣ освѣдомлялись, мнѣ очень не понравилось.

2. Марта.

Для соединенія и я предлагаю тебѣ Июнь мѣсяцъ. Такимъ образомъ сойдутся должайшія дни жизни съ должайшими днями года.

ЖАН - ПОЛЬ КЪ ОТТО.

Веймаръ 14. Марта 1800. года.

Убийственная погода; кажется для того она открываетъ для насъ небо, чтобы переселить насъ въ него, или, говоря прозаически, уморить. Въ моемъ обезперенномъ перѣ нѣтъ сего дня вовсе лучшей силы, развѣ только чиню для писемъ. Впрочемъ самыя лучшія книги у меня выходили, когда я говорилъ себѣ, чиню вмѣсто нихъ пишу письмо.

25. Марта.

Все рѣшено съ моею К. я ни шагу неуступилъ. Послѣ больше объ этомъ.

25. Марта.

Письмо ея къ тебѣ покажетъ ея нѣжную но дѣвственно-робкую душу. Кромѣ Шпан-

генбергъ ни въ одномъ женскомъ сущесствѣ приличіе небыло такъ велико и такъ упон-
чению; такъ, что часто ты былъ бы ея болѣе
достоинъ нежели я.

Божество ниспустилась — послѣ туман-
ныхъ въ дней болѣзни — въ день рожденія моего
въ мое сердце. Августа прислала мнѣ первое
произведеніе ея вышивальнаго искусства — Ка-
ролина также прислала мнѣ свое шитье, ко-
пирымъ даже Гердеръ восхищался; Луиза и
жена Гердерова горшокъ съ цвѣтами, цвѣтковь
и бисквитовъ, и въ 11 часовъ пришли всѣ
сами, небесно одѣшныя. Я плакалъ опъ ра-
доспи и любви. Потомъ пришелъ Докторъ,
Гердеръ и Мейеръ и мой божественной чело-
вѣкъ и живописецъ Бури. Небо! только твоего
письма, Отппо, недоставало, оно однимъ днемъ
опоздало. — Послѣ обѣда прислала Герцогиня
машъ цвѣшущій розовой куспъ, а вечеромъ у-
жиналъ я у Гердера, куда было названо мно-
жество гостей. Желать бы тебѣ хопя 10.
минутъ наживописатьъ, въ которыя душа опъ
близоспи любви расплавливалась, паяла. Если
бы могли мы и смѣли безпреспанно такъ
искренно любить, чего бы еще намъ нужно
было на землѣ и за землею? — Добрая К., не
безъ причинъ отказался я опъ свиданія съ
тобою въ Цльменау: Еслибы ты могла знать,

какъ теперь поскуепъ моя душа по пвоей, чиспой скромной пвердой душѣ. — Какъ разсказать тебѣ, Оппю, сколько я ее уважаю — не только люблю? —

27. Марта.

Не прибавишь ли ты къ вѣнцу Бонапарте еще вѣнчика два лавровыхъ? Я совершенно ему довѣряю; онъ какъ Геркулесъ водрузишь древо оливы; онъ безъ жестокостей опкажешся, какъ Силла. Но Французы народъ пуспой. Въ Вѣнѣ ходишь карриатура: у курьера подъ одной мышкой пакетъ съ надписью: ordre; подъ другой съ надписью: contreordre; на лбу: desordre.

16. Маія.

Фридрихъ Шлегель былъ полтора дни въ Веймарѣ, чшобы пребыть полтора дни въ моей комнаѣ. Мы легко другъ друга поняли. Онъ всегда любилъ меня и мои сочиненія. — Въ последнемъ Апѣнеѣ онъ уже не такъ бранивъ — теперь еще побольше. Я люблю его; онъ ребячески, крошокъ и геніально поняшливъ; но въ Философіи и въ учености я нашель его гораздо менѣ глубокимъ, нежели воображалъ; онъ мнѣ такъ мало могъ опивѣчать, на мои положенія прошивъ Фихте, что, я думаю, онъ вовсе незнаетъ его системы.

Что ны мнѣ пишешь объ Л. (*), по эпу чувстввенности давно уже можно было въ ней замѣтить. Впрочемъ я въ эпомъ опиноненіи, также какъ и Гердеръ, давно уже не согласенъ съ твоими православными мнѣніями. Я уже и въ Гесперусъ сказалъ, что въ высочайшей любви хорошія дѣвушки совершенно равны съ самыми лучшими; теперь я въ эпомъ увѣрился: изъ любви онъ опдаются, и зависить только отъ дурныхъ свойствъ, отъ поспешности, и отъ обдуманнаго огня мужа, чтобы всякую, сильно его любящую, довести до послѣдней почки. Тупъ я презираю только мужчину, ибо женщина не можетъ быть здѣсь причиною. Лучшая женщина не можетъ имѣть любви изъ чувстввенности, но безъ сомнѣнія быть чувстввенною изъ любви. —

Лейпцигъ 19 Маія.

Гердеръ нашелъ К. въ Ильменау выше всѣхъ моихъ описаній, и почти надъ всѣми женщинами возвышенною; Онъ обожалъ ее, также какъ она его обожала. Это были самые голубые Майскіе дни. Въ ней есть что-то высокое, необыновенное, что овладѣваетъ свѣп-

(*) Имя дамы, о которой и въ подлинникѣ вышущено мѣсто изъ письма Отто.

скими людьми, и что Тердершу изумило. Но! съ этого путешествія — союзъ мой съ нею разрушенъ, и послѣ письма, въ копоромъ я ей все подробно изложилъ, долженъ я ожидать опъ нея слово вѣчной разлуки. Невозможно мнѣ разгадать шебъ сего дня эту длинную загадку, въ копорой главныя роли играють одни нисходства наружныхъ опношеній и про-испекающія изъ того пребыванія. Опять меня мечень и бросаетъ бурей по неопре-дѣленной пуспынной жизни, и съ такимъ рас-положеніемъ внушреннымъ, копорого выразить словъ нѣтъ. Здоровье мое крѣпко, хотя въ Ильменау и поколебалось при одной предобѣден-ной сцѣнѣ. Прощай! въ Пяпницу ѣду въ Бер-линъ. —

Берлинъ 15. Іюня.

Наконецъ я опять хочу писать шебъ, полный, какъ облачное небо, но какъ оноже не сильный излишся. Цѣлой міръ или два вбросилъ Берлинъ мнѣ въ голову. Слишкомъ двѣ недѣли сижу я ужъ здѣсь и долженъ про-быть еще одну, потому что Иффландъ для меня хочетъ дать Валеништейна. Еще ни въ одномъ городѣ не принимали меня съ такимъ идоломъвореніемъ, какъ здѣсь.

Веймаръ 29. Юля.

Вчера я приѣхалъ и нашелъ свое письмо, любезнѣйшій! Однако прежде о Берлинѣ: у Маздорфа, котораго отецъ, мать и жена прекраснѣйшіе люди, прекрасно было жить. Шелковыя стулья,ковыя свѣчи, выпыпываніе всѣхъ желаній чепыре комнапы для жилья и проч. Онъ созвалъ для меня къ обѣду общество ученыхъ, и обѣдъ продолжался отъ 2. до 6. часовъ. Я непосѣщалъ ни одного ученаго клуба, хотя часто меня приглашали, за то женщинъ тѣмъ. Дѣвицы меня обожали, которыхъ бы я и самъ въ прежнее время обожалъ. Какая простота, оікровенность, образованность и красота! На прекрасномъ островѣ Пихельсвердеръ (на $2\frac{1}{2}$ часа отъ Берлина) вспрѣтилъ я столько прекрасныхъ друзей, что даже досадно было, потому что одно участіе уничтожало другое.

Несравненная Королева пригласила меня писменно въ Санъ-Суси, я обѣдалъ у нее. Тонъ за придворнымъ столомъ легкой и прекрасной. Я часто былъ у оплично образованнаго министра Альфенслебена, и наконецъ вездѣ. —

3. Юля.

Я не долго былъ подъ тучею. Все нравственныя небольшія уголки и несходства (которые однакоже у брака совершенно опнимають

щастіе) вогнали меня съ начала въ Ильменау въ мою старинную лихорадку упрямыя. Нѣ-
копорого рода несогласивость, неуступчи-
вость и любовь чуждую, копорая не можетъ
быть въпоже время космополитическою, мнѣ
трудно сносить.

Гердеръ и жена Его обожаютъ ее, а Б. имѣла опъ манеры, копорая до тѣхъ поръ
была комѣ вовсе неразположена, порученіе,
предоставилъ все рѣшенію Гердера. Тутъ я
разсердился. На претій день прочелъ мнѣ
Гердеръ при К. жесткую проповѣдь, хотя съ
скромностью, но къ сожалѣнію съ краснорѣ-
чіемъ его прогашельнаго голоса, и К. впала
въ судороги, онъ совѣщивалъ, спрашивалъ, но
не рѣшалъ. Жена его съ своей стороны про-
чала мнѣ свою проповѣдь. Какъ было стер-
пѣть это мужу! я всбѣсился; однако не очень.
Въ послѣдствіи они подались и улаживали
было. Мое первое письмо, послѣ этихъ раз-
бойническихъ впорженій промежду двухъ сер-
децъ, къ ней, предоставляло ей рѣшеніе, но
изображало ей въ тоже время и силу моего
опказа. Послѣ отвѣта ея изъ Г., копорый
тебѣ здѣсь прилагаю, я принужденъ былъ ска-
зать рѣшительное — нѣтъ. Гердеръ писалъ
мнѣ по этому поводу въ Берлинъ въ пользу
К. и въ пользу соединія; но ударъ совершенъ,

судьба уязвила меня въ глубочайшія нервы сердечныя; она даритъ мнѣ все, что надъ сердцемъ и вокругъ сердца, а внутренность разсперзывается.

Во вѣпорыхъ — я суевѣренъ по долгому опыту; всякое несчастіе и всякое щастіе случается только два раза а не три. Безконечно поскую я по моемъ родимомъ уголкѣ. Здѣсь и въ Берлинѣ были правда для меня блестящіе эфирные дни, — но я не переспавалъ самыми сердечными желаніями преслѣдовать пріятныхъ вашихъ сценъ подъ свѣплымъ вашимъ небомъ. О мой добрый! ты едва можешь знать, до какой степени мое сердце живо подлѣ твоего; мы не можемъ ни когда лишиться другъ друга.

Посылаю тебѣ письма К. съ просьбою возвращить ихъ скорѣе. — Мой духъ опять порхаетъ поэтически по эфирнымъ моимъ пространствамъ, однако посматриваетъ также, нѣтъ ли подлѣ облака и прочнаго гнѣздышка въ ущелии скалы, чтобы опъ мятежицы жизни укрыться въ него.

Кланяйся опъ меня женѣ твоей опъ всего сердца. Пиши больше новостей. *** и Байрейтъ, сколько ни негодна ихъ существенность для меня, все они составляютъ мнѣ грун-

повку самого цвѣтущаго прошедшаго моего.
О прежнее время, прежнее время! —

(До слѣдующей книжки.)

5ый Опломокъ
ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА.

НѢСКОЛЬКО СТРОКЪ ВЪ ИСТОРИЮ НАУКЪ.

(Выписка.)

..... Мы очень мало знаемъ о времени *допотопномъ*. И вѣроятно, по весьма важнымъ причинамъ, должны мало знать о немъ. Достоверно, однакоже можемъ заключить, что *наказаніе Божіе всегда соразмѣряется съ преступленіемъ; а преступленіе всегда бываетъ соразмѣрно съ познаніями преступника; и потому всемірный поппъ предполагаетъ преступленія для насъ, по щастію, недомыслимыя; а преступленія сего рода предполагаютъ познанія гораздо высшія, чѣмъ всѣ намъ извѣстныя. — Вопрь, что достоверно, и разсужденіе о семъ должно необходимо составить введеніе къ положительной Исторіи Наукъ. — Чрезвычайныя и можемъ быть, невозможныя уже для насъ, сіи познанія, омыты будучи опъ зла, содѣлавшаго ихъ споль пагубными, пережили челоувѣчество въ семействѣ праведномъ.*

Мы ослѣпляемся въ заключеніяхъ о свойствахъ и ходѣ наукъ, шолько шѣмъ грубымъ софизмомъ, которой не обмысливъ, суевѣрно приняли за догматы; но есть, что судимъ о такомъ времени, когда челоувѣкъ могъ видѣть дѣйствія въ самой ихъ причинѣ, по такому

времени, въ коемъ онъ долженъ восходить съ съ трудомъ *отъ дѣйствія къ причинѣ*; въ которомъ часно занимается онъ исключительно *одними дѣйствіями*; а иногда утверждаетъ, что нѣтъ и нужды въ *причинахъ*, и даже не знаетъ, собственно, *что есть причина?* — Кричатъ повсемѣстно: — *Представьте, сколько надобно было времени, чтобы узнать то или другое!* — Какое шутое ослѣпление! Мигъ одинъ для сего былъ *достаточенъ*; ибо ежели человекъ могъ узнать причину одного только физическаго явленія; то зналъ уже и всѣ прочія. — Мы не хотимъ примѣнить, что тѣ самыя истины, которыя такъ трудно *намъ открывать* самимъ, очень легко принимать. (*) Платонъ говорилъ: »Это легко и совершенно выучивается, ежели кто нибудь *намъ покажетъ.*« (**) — Кому не очевидно, что люди, которые заселили міръ, попомомъ *извращенный*, имѣли необходимую надобность въ помощи *чрезвычайной* для одолѣнія тѣхъ чрезвычайныхъ затрудненій, кои на всякомъ шагу должны были встрѣпиться. (***) — И смотрише же на великолѣпный характеръ сей истины! Какъ скоро понадобилось ей быть утвержденною, то со всѣхъ споронъ являющіяся сами собою свидѣтели, которые, никогда не сговариваясь, никогда другъ другу не противорѣчатъ; въ то время, какъ свидѣтели лжи, и условясь даже въ ней между собою, всегда одинъ

(*) Отъ лица Колумбово.

(**) И продолжаетъ: »Ни кто не научитъ насъ, ежели Богъ не укажетъ ему (*) дороги.« Еріп. орр Ч. ix. p. 239

(***) »Не сомнительно то,« говоритъ Гипократъ, »что первыя искусства были даръ Божовъ.« (Epist. in орр. 1621. in fol. p. 1271.)

(*) Тому, кто научаетъ; а того, кто научается, если Богъ не привлечетъ. — Изд.

другаго опровергають. — Выслушайте только мудрую древность о первыхъ челоѣкахъ. — Она скажетъ вамъ, что то были люди чрезвычайные, что Существа высшаго порядка удостоивали ихъ своими наставленіями, и въ эпомъ нѣтъ ни малѣйшаго разногласія: посвященные въ древнія таинства, Философы, Поэты, Исторія, Баснословіе, Азія и Европа, *говорятъ одно и тоже*. Подобное согласіе всѣхъ преданій челоѣческихъ, съ *откровеніемъ и разумомъ*, составляетъ такое доказательство, на которое не можетъ быть возраженія. — И такъ *наука съ родомъ челоѣческимъ*. Она была различна отъ нашихъ; но гораздо ихъ превосходитъ; ибо послана была свыше; почему и имѣла *свою опасность*. И сіе-то изъясняетъ, для чего, въ самомъ началѣ, была она окружаема таинствами и испытаніями, и сокрыта въ храмахъ, гдѣ наконецъ и погасла, когда пламень ея, вмѣсто *освѣщенія*, началъ *сжигать*. Ни кто не знаетъ откуда начинаются, я не говорю уже, первое устройство общества, но даже и важнѣйшія гражданскія установленія, глубочайшія познанія, великолѣпнѣйшіе памятники художествъ и могущество челоѣческаго. Подлѣ *Римскаго храма Святаго Петра*, я нахожу *проводы Тарквиніевы и Циклонскія сданія*. Сія эпоха граничитъ съ *Этрусками*, коихъ искусства и могущество теряются во мракъ древности, (*) копорыхъ Гезіодъ, за девять вѣковъ до Рождества Христова, называлъ уже *великими и славными*, кои, за нѣсколько вѣковъ до войны Троянской, посылали уже колоніи въ Грецію и на многіе острова. — Пинегоръ, путешествуя въ Египтъ, за шесть вѣ-

(*) Di. ante rem romanam. Tit. Liv.

ковъ до нашего лѣточисленія, узналъ намъ причину всѣхъ явленій Венеры; и могъ узнать, ежели бы хотѣлъ, и болѣе, напримѣръ, что Меркурій въ угожденіе одной Богинѣ, игралъ въ шашки съ Луною и выигралъ у ней 72^ю часть дня. (*) — Здѣсь надобно примѣнить, что 72. часъ дня, будучи умножена на 560., составляетъ шѣ пять дней, которые прибавлены въ послѣдствіи для дополненія солнечнаго года. — Индійскія книги говорятъ о семи молодыхъ дѣвахъ пляшущихъ съ Кришиною (Аполлономъ Индіи) — который раздѣлился на семь кришинъ, чинобы плясать съ каждою изъ сихъ дѣвъ въ одно и тоже время. — Вспомните, что пирамиды Египетскія, древнѣйшія всѣхъ историческихъ временъ, съ величайшею плочностію поставлены на Востокъ. — Что всѣ искусства обыкновенно живутъ и процвѣтаютъ въ одно время; что народъ, который умѣлъ составлять краски, при тысячахъ лѣтъ, на чистомъ воздухѣ, сохраняющіяся; поднятъ на высоту шестн сошъ футовъ такіа тяжести, кои бы успояли противъ всѣхъ усилій нашей Механики; изсѣчь на границѣ пицъ, коихъ всѣ роды одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ могъ различить; что эпохъ народъ, говорю, былъ — безъ всякаго сомнѣнія — равно великъ и во всѣхъ прочихъ искусствахъ, и зналъ многое, чего совсѣмъ мы и не знаемъ. Взглянувъ опшуда на Азію, я вижу стѣны Немврода, воздвигнутыя на землѣ еще влажной опъ поппа и астрономическія наблюденія съ ними современныя. Гдѣ же такъ названныя, нашими Философами, времена невѣжества и дикости? — Поппъ лежитъ неодолимою пре-

(*) Тракт. Плутарха de Iside et Osiride, Cap. xii.

градою ко всѣмъ Романами воображенія; а Гео-
логическія разысканія утверждаютъ, какъ
бытность, такъ и недавность его. — Физика
согласна въ семь случаевъ съ Исторіею; ибо и
преданія историческія всѣхъ народовъ остано-
вливаются именно на потопѣ; по естѣ въковъ
за восемь до нашего лѣточисленія. — Одно
средство останавливалось нечестивымъ, говорящимъ
къ суевѣрной толпѣ своихъ фанатиковъ: *Ас-
трономическія наблюденія за четыре или пять
тысячъ лѣтъ Китайцами дѣланныя, въ Госу-
дарствѣ, котораго тогда и на свѣтѣ еще не
было.* — Но и эта ложь неустойитъ противъ
той исторической истины, что Китайцы
только въ XVI. столѣтіи выучились отъ Езу-
итовъ, составлять Календари. — Система
древностей Индійскихъ лишила еще надежды
невѣрующихъ; но и тупѣ Академія Калькут-
ская, полезными розысканіями своими ихъ у-
ничтожила. — Книги Брамиевъ, въ которыхъ
собирались они показати подлинникъ нашихъ
священныхъ преданій, потеряли свою важ-
ность. Мы знаемъ, что *Брама* есть
испорченное имя *Авраама*, имя положи-
тельное; что и жена сего Бога Индіи именуется
Сарою. — Одинъ взглядъ на Географическую
карту доказываетъ, что Китай не могъ быть
населенъ прежде Индіи; и потому паденіе древ-
ностей Индійскихъ сокрушило и песнрыя раз-
валины древности Китайской, баснями о ко-
ноторыхъ такъ продолжительно усыплялъ насъ
Вольпертъ и его послѣдователи. (*)

(*) — Примѣтите, что языкъ Санскритскій, которому такъ
уверенно учились для отысканія тѣхъ подлинниковъ, съ ко-
торыхъ Библия наша должна была быть списана, — и я-
зыкъ Санскритскій вышелъ уже изъ моды по милости
Калькутской Академіи; такъ точно, какъ Геролифы
Египетскіе потеряли ихъ Романическую прелесть, вмѣстѣ
съ открытіями Шампольона.

Враги Великіи много говорятъ оъ Азіи, какъ о колыбели наукъ; но твердятъ сію истину только въ превратномъ смыслѣ; ибо имѣя самымъ, чѣмъ утверждаются всѣ наши священныя преданія; бесполезно силилися ихъ опровергнути. — Азія дѣйствительно обладала въ допотопной древности, вмѣстѣ со свамихъ умо-заключиваемыхъ наукъ, вѣрною наукою; и поному-то и донынѣ сей сопутанный цѣлами невѣжеснѣва орелъ не хочетъ *лѣтѣть въ шартъ Мидгольсфгера*. — Примѣтите, Апокобъ нашихъ наукахъ не можно помыслити, не окруживъ себя тысячею машинъ, орудій, искудовъ, приборовъ, — симъ многообразнымъ и сложнымъ *скарбомъ* унаи-тоими методами искусства. Европейская наша ученость — въ узкомъ и каропенькомъ своемъ платьицѣ, съ головою, едва видною изъ подъ парика всклокоченнаго, съ руками обремененными инструментами и книгами, подслѣная и желтая оупъ бессонницы и разрыканій, запачканная чернилами, *тащится* видя по дорожъ къ истинѣ, сполупивъ къ землѣ чело свое; Алтеброю испещренное. — Взгляните же въ глубокую древность; поспомните, сколько по возможно, въ оплѣденнѣишемъ оупъ насъ разсплѣни на *Влѣденіе* въковъ начальныхъ: подъ свержеспественною и эфирною наружностью своею, овододно и легко — неидетъ, но какъ-бы летитъ оно; изъ подъ великолѣпной его *литуры*, вѣвѣзотся повѣпру кудрявые волосы; *волнистый Эфодъ* априосъ-настѣ прозрачнымъ шуманомъ грудь его, вдохновеніемъ воздымаемую; оно прямо глядитъ на небо, и ежели небрежно прикасается, легкими *сандалиями* своими; къ землѣ; — то это для того только, чипобъ скорѣе и выше подняться!

(Съ этой стороны пріиелся край Мозаика.)

М. Простодушное.

Графъ Сенъ Симонъ и Сенъ Симонисты.

Клавдій Гейприхъ Графъ Сенъ Симонъ, потомокъ того Сенъ Симона, котораго записки знамениты, ученикъ Д'Аламберна, родился 1760. года въ Парижѣ. Въ 1777. году вступилъ онъ въ службу. Два года спустя отправился въ Америку, гдѣ служилъ подъ начальствомъ Вашингтона и Булье. По возвращеніи своемъ путешествовалъ по Голландіи и Испаніи. — Во время революціи пытался учредить большое промышленное заведеніе и школу, при чемъ, какъ говорилъ, имѣлъ въ виду обогащеніе себя для удобнѣйшаго дѣйствованія на пользу ближнихъ. Но планъ сей по удаленіи Графа Редерна отъ обществъ его неудался, и съ тѣхъ поръ посвянилъ онъ себя совершенно наукамъ, намереваясь основать новую философію, которая по его убѣжденію, была необходима. Послѣ Амстерскаго міра путешествовалъ онъ по Англіи, Швейцаріи и Германіи. О Германіи говоритъ онъ слѣдующее. «Во время путешествія моего я убѣдился, что всеобщая наука въ сей землѣ находилась еще въ дѣтствѣ, и потому именно, что здѣсь утверждаютъ ее на мистическихъ основаніяхъ. Но я имѣю сильную надежду на успѣхъ сей науки въ Германіи, ибо весь народъ съ спрассною ревностію подвигается впередъ въ ученыхъ трудахъ своихъ.» Въ 1808. издалъ онъ Введеніе къ ученымъ трудамъ девятнадцатаго вѣка и въ послѣдствіи нѣсколько другихъ сочиненій. Но на все сіи сочиненія почти вовсе не обращали вниманія; только что развѣ иногда осмѣивали ихъ. За что-то Сенъ Симонъ сидѣлъ послѣ въ плену; впалъ потомъ въ чрезвычайную бѣдность, и рѣшился было уже лишиться себя жизни, однакоже пережилъ попытку, рашивъ себя только слегка листоюлетомъ. Леди Морганъ рассказываетъ объ немъ забавный анекдотъ, будто онъ ѣздилъ въ Конептъ къ Госпожѣ Спазль и предлагалъ ей быть матерью ребенка, котораго онъ желалъ быть отцемъ: Вы, говорилъ онъ, величайшая женщина, а я величайшій философъ; онъ насъ произойти должно дивное дитя. Въ 1825. году онъ издалъ *Le nouveau Christianisme* и умеръ 19. Маія тогоже года. Не прежде

какъ послѣ смерти его разнеслась слава о немъ и его сочиненіяхъ, и числороверженцевъ его философской системы, бывшее до того очень не велико, стало съ тѣхъ поръ умножаться со дня на день. Впрочемъ до Іюльской революціи секція оснана была скрытою, послѣ же Іюльской революціи оказалась открытою, состоя изъ неимовѣрнаго множества членовъ. Вскорѣ многіе члены заняли разныя мѣста въ государствѣ, стали дѣлать своихъ проселитовъ, имѣли публичныя собранія, гдѣ въ присутствіи лицъ обоего пола и разнаго возраста говорили были ими проповѣди. Правительство наконецъ увидѣло необходимость запретить имъ такіа сходбища. Сначала издавали они журналъ *l'Organisateur*, но скоро овладѣли и изданіемъ журнала *le Globe*, котораго редакторомъ до тѣхъ поръ былъ Кузенъ. Сей послѣдній начали они было раздавать даромъ и не хопили было поному платины положенной во Франціи за журналы пошлины. Но долгъ ихъ Правительству возросъ до 44000 франковъ, и нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ потребовало Правительство, чтобы сумма сія ими уплачена была непременно въ 24 часа. Не знаемъ, чѣмъ это кончилось; замѣтили только изъ газетъ, что не только крутъ ихъ дѣйствія стали снѣжаться, но что общество раздвоилось и стало разрушаться, не смотря на то, что еще въ прошедшемъ году посылаемы были имъ Миссіонеры въ Германію, и еще въ нынѣшнемъ году въ Англію. Въ 121. Но. Прусской Госуд. газеты нынѣшняго года было напечатано, что Ап'фан'генъ, извѣстный глава секты Сенъ Симонистовъ, потчасъ послѣ погребенія матери своей, недавно умершей, отправился въ помѣстье свое Менильмон'панъ, въ намѣреніи посвятить жизнь свою уединенію, очемъ уже *Globe* извѣстилъ въ день послѣдняго его публичнаго явленія. —

Много писали о Сенъ Симонизмѣ; одни называли его расколомъ, другіе философскою системою; сами Сенъ Симонисты называютъ его новою религіею. Сенъ Симонъ называлъ его новымъ Христіанствомъ.

Самая обыкновенная способность, которою отличаетъ земной человекъ, чѣмъ нибудь случайно поднятой надъ обыкно-

всенымъ кругомъ, есть способность — видѣть, недостатки того круга, къ которому онъ принадлежалъ. Этою способностью обладаетъ особенно всякій человекъ, который поднялся упоищеніемъ ума надъ другими. Такое подианіе надъ другими дѣло очень не мудреное, очень обыкновенное и не можешь почтено быть за достоинство — потому что, чтобы стоять выше всѣхъ возвысившихся въ чемъ нибудь — стоять только подняться выше одного изъ всѣхъ ихъ, выше того, который больше всѣхъ поднялся. А это въ состояніи совершить всякое высочайшее терпѣніе, или, что, по словамъ Бюффона, все равно, всякій — гений. Поднялся до высоты безусловной, идущей вовсе и въ сравненіе съ пугмейскими высотами условными — вопъ, что не въ силахъ человека. Но человекъ, имѣющій понятіе объ однихъ землею и земными расченами условливаемыхъ видахъ бытія своего, не спремился къ той недосязасмой высотѣ. Онъ и не думаетъ обыкновенно, что есть такая высота; ибо взоръ такого человека обыкновенно внизъ обращенъ, а не вверхъ, не умѣетъ на небо сморривъ. А не сморривъ вверхъ и не можешь ничего болѣе видѣть, какъ только недостатки того круга, надъ которымъ онъ поднялся. Своихъ недостатковъ онъ не можешь видѣть, потому, что — для этого надобно и надъ собою возвыситься; а онъ, почиасъ себя высшею почкою; или если и возвышался надъ собою прежде, то наконецъ накучилъ такимъ непривлекательнымъ возвышеніемъ и увлекся обдрипельными плесками того духа, который внутри насъ располагаетъ нами, когда мы не вверхъ, а внизъ сморривъ. Такъ я себя объясняю Сенъ Симона. Ученикъ Д'Аламберна, Лафатова сослуживецъ, свидѣтель революціи, имѣвшій случай быть наблюдателемъ сполькихъ движеній политическихъ, умственныхъ и религіозныхъ, проведеній большую часть жизни посреди людей, которые не знаютъ высшего счастья, какъ упоианъ въ упоиченныхъ наслажденіяхъ и быть великими людьми, гениями и и. п. — Сенъ Симонъ, одаренный довольно не обыкновенными способностями ума, и слѣдовательно видѣвшій тьму злоупотребленій въ мѣрѣ, очень легко могъ возмечтать, что онъ рожденъ бытъ всемірнымъ преобразователемъ, ибо, сморривъ лишь внизъ,

а не вверхъ, не могъ видѣть, что такого преобразовашеля вовсе не нужно; и что, еслибы и нуженъ онъ былъ, то не такую бы мудростью ему надобно было быть вооруженнымъ, какова его, и не такъ бы гениально-поверхностно должно было изучить эту Мудрость, которую учились его съ компаніею вздумали было назвать не Божіею, а просто человеческою, и припомъ вспомнить, что и Архимедъ готовъ былъ только тогда перевернуть міръ, когда-бы кто-нибудь его пославилъ на точку *въ міра*.

Справное дѣло: и Сенъ Симонъ выходитъ изъ той же щочки въ систему своей, изъ какой выходили Григорій vii, и глава Иллюминашновъ Вейсгаунтъ, и Вольпертъ, и Руссо, и Гегель, и Ламеннэ, и великое множество другихъ философовъ и секшаншровъ. И онъ принимаетъ за основу и за мѣру свою — *Общество*, и не даетъ ни себѣ ни другимъ опеченія въ томъ, что можетъ значить Общество. —

Нельзя, говорятъ Сенъ Симоншны, иначе основанъ прочтало Общества, какъ посредствомъ одной главной идеи, которая бы въ развитіи своемъ обнимала всю вселенную; которая бы открывала начало и предназначеніе Обществъ; которая бы учила каждое особое лице потребностямъ, интересамъ и обязанностямъ его. Для этого, продолжаютъ они, основываемы были великія общественныя соединенія. И попомъ говорятъ: Не упоминая о Римлянахъ, Иудеяхъ, Магомешанахъ, мы знаемъ, что *Церковь Христіанская* образовала (цивилизировала) міръ. Пославивъ такимъ образомъ Христіанскую Церковь на одну доску съ Магомешанскимъ и Римскимъ Обществомъ, и отдавая ей справедливостъ въ томъ, что она цивилизировала міръ, они говорятъ, что мало по малу оказались въ Обществѣ людей интересы, потребности и обязанности отдѣльныхъ лицъ, отличные отъ тѣхъ интересовъ и пр., которые Вѣра Христіанская воздвигла и освятила. Въ слѣдъ за тѣхъ объявляютъ, что Христіанская Церковь успарѣла для нынѣшняго времени, и что міру оказалась нужною новая Религія. Придирались къ разнымъ злоупотребленіямъ и не имея понятія о самыхъ простыхъ осно-

ваніяхъ Христіанства, они — замѣчательно — точно въ
нихъ же выраженіяхъ характеризующихъ Христіанство, въ ка-
кихъ, намъ случалось читать, характеризовали пакты называс-
мые Романшики какой-то пугавшій ихъ Классицизмъ, называютъ
Христіанство снаришнимъ установленіемъ, мертвымъ для на-
шего времени и пр. — Всю борьбу на Западѣ въ послѣдніе три
вѣка приписываютъ они тому, что будто бы одни хотѣли
осуществить распадавшееся снаришное зданіе, а другіе, Реформа-
торы, хотѣли будничности того же, чего и они хотѣли, по только
не имѣли никакой органической идеи, которая могла бы поста-
вить въ возможность замѣнить опять то, что они разру-
шили. — Эта органическая идея — зародилась въ Сеп' Симонѣ.
Со времени Иисуса Христа до Сеп' Симона не была рѣшена ни
одна великая задача человѣчества; до него, видѣтели, всѣмъ
для идеи измѣнялись и ниспровергались, а не замѣнялись, —

Самъ Сеп' Симонъ, такъ еще цокрайней мѣрѣ прикрывался
какимъ-то увѣщеніемъ къ Христіанству, говорилъ, что върусь
въ Божественное происхожденіе Христіанской Церкви, гово-
рилъ, что нынѣ ишь истинныхъ Христіанъ, что все ученіе
его есть возобновленное Христіанство и пр. и пр. Онъ только
былъ слѣпой чловѣкъ и безумшій, любилъ людей, но такъ какъ
можетъ безумецъ любить, почиталъ Христіанство, но такъ,
какъ могъ почитать его безумный ученикъ Д'Аламберта, под-
крывалъ его, какъ можетъ полковникъ чловѣкъ, не имѣющій
глаза Вѣры въ душѣ и мечтающій себя члвкъ-по, особенно какъ
онъ — чловѣкъ судьбы. Его ученіе есть смѣсь грубаго невѣ-
жества съ шлмъ надомъ душевнымъ, который сполъ многіе и
кромя его называютъ любовью къ ближнимъ. Но послѣдователи
его просто безъ дальнихъ оговорокъ опредѣляются онъ всего,
что называется Христіанствомъ и прямо возстаютъ противъ
Бога и людей. Это безъ сомнѣнія къ лучшему, потому, что
должнъ видѣть въ такомъ случаѣ, чего имъ хочется. Сеп' Си-
моновъ въ наше время ведетъ мпожество, и онъ шлмъ опасенъ,
что сдѣлать не отличить ихъ онъ Христіанъ.

И мало ли найдется людей, которые согласны съ слѣдующими положеніями Сен-Симона? » Богъ есть жизнь міра и міръ есть Богъ. Матерія также вѣчна, какъ и Богъ. Покушеніе первыхъ челоѣкъ, выгнать оныя плода познанія добра и зла есть не паденіе челоѣка, а первый шагъ его къ совершенству. Адъ есть вымысль. Борьбы между добромъ и зломъ не существуютъ, потому что все добро. Будущая жизнь есть блаженное продолженіе земной жизни. Все мы будемъ блаженны. Быть братьсями есть священнѣйшій законъ, съ которымъ познакомила Христіанская Вѣра людей. Евангеліе писано сообразно духу того времени, въ которомъ оно писано; а въ наше время надобно говорить иначе, потому что мы умѣе людей жившихъ до 1800 лѣтъ до насъ. Въ наше время религія должна Общество челоѣческое воспринять въ великой дѣлѣ невозможна скорѣйшаго улучшенія судьбы бѣднѣйшихъ классовъ народа и пр. и пр. — Что скрывался? Въ такомъ дѣлѣ лучше прямо говорить. Довольно и у насъ такихъ подувирцевъ, позуумниковъ. Не удается имъ только разгуляться. И снѣдобо, что въ болышей частинѣ изъ нихъ являлись той горячки, которая иногда бывалась починяема изъ любовь къ ближнимъ, и что болышей частинѣ верховодящихъ оныя, да, какъ мудрецъ Зукрециевъ (De. ref. nat. кн. I) бы, мнѣшались мыслить, что они Гигіены, а прочіе пигменты върать у ногъ ихъ. Благодареніе услажденіямъ Оне-честивѣйшимъ, недающимъ разума мудрецамъ такимъ! Благодареніе Промыслу, не дозволяющему имъ носить въ груди чувства любви къ ближнимъ!

Ахъ! и теперь еще бьется сердце, какъ переселился въ себя прежнее, въ себя юношески-сильное, когда нелицемѣрнѣйшее и, назалось, бескорыстнѣйшее любовію къ ближнимъ пылало, оно готово было во всемъ мірѣ разлитъ существомъ своимъ; готово было въ сладостномъ воспоргѣ изсайнувъ всемъ бытіемъ своимъ, желая счастья ближнихъ. Бѣдное сердце! Въ снѣдобо своей оно ничего не знало, кромѣ любви своей, ни вочю, кромѣ любви своей, не вѣровала, ничего, кромѣ любви своей, не любяло. Оно не знало, дочего можетъ довести любовь такая; оно не знало, въ какое ордѣ можетъ сильное это чувство превра-

тнпсья; не знало, что адова злоба можетъ въ кинжалъ ядови-
тый обратишь любовь, кошорая не изъ Христовой Вѣры испе-
каеть, не Христовою Надеждою окрпляетсѣ, не Христовою
Любовію нппаетсѣ.

Душа добрая! по отъ корня Вѣры Христовой повымн му-
дровапіями ошорванная! Ты простишь мнѣ, если я осмѣлюсь
обратишь тебѣ: Ты ропщешь: по поняла ли ты судьбы Бо-
жій? Ты охуждаешь: по проникнула ли ты сердцемъ въ глу-
быню того, что тебѣ кажется несообразнымъ спененію швого
будшо-бы высокаго, просвъщенія? Ты ницешь истинны вездѣ,
только не въ истинномъ источникѣ ея, не въ Христѣ: по не
мода ли одна тебѣ влечетъ къ тому? и не мелочное ли себя-
любіе побуждаетъ? Ты пѣпяешься минимъ просвъщеніемъ
вѣка: по отважишься ли ты въ совѣспн своей названъ его про-
свъщеніемъ, когда узнаешь, что такое истинное просвъщеніе?
Ты ближнихъ любишь: по не ужаснешься ли ты любви своей,
когда узнаешь, какъ сама Любовь воплощенная повелѣваетъ лю-
бить ближнихъ? Взгляни на себя, не Сенъ Симонистка ли ты?
и не врагъ ли ты ближнихъ, желая быть другомъ ихъ? Опом-
нись, и взгляни въ ту пропасть, въ кошорую и сама готова
ввергнуться и ближнихъ готова бы ввергнуть, еслибы въ со-
стояніи была. Ты простишь мнѣ, душа добрая, что я къ тебѣ
обращаюся.

ОСКОЛОКЪ ОТЪ ФИЛОСОФСКАГО МОЗАИКА.

ПОЛЗДКА ФИЛОСОФА ВЪ ДИЛІНЖАНСѢ.

..... Очень надобно ошорочно выго-
варивать — такъ общее нынѣ имя Философіи.
Оно какъ грошевикъ, ходитъ на торгу слова
человѣческаго; всѣ берутъ, даютъ, принима-

юшъ, передаюшъ, бросаюшъ, поднимаюшъ его, и — никому не вздумаетъся; — да и почто не нужно, взглянушъ на чеканъ сего грошевика. — Такъ поступаютъ, однакоже, чернь философская; а ученый Археологъ не только разсматриваетъ всѣ подробности вида ходячей монеты; да еще, ежели она въ маслѣ или мукѣ позамарана, или опъ игры въ орлянку посперлась; то онъ ее вычислитъ и разсмотрѣвъ въ увеличительное стекло спертшіеся признаки, кладетъ, въ принадлежащій по роду ея и хронологическому порядку, ящичекъ. Въ подобіи семъ Философія — грошевикъ; а я — Археологъ. — И пошому, прежде чѣмъ расскажу поѣздки мою въ дилижансѣ, хочу опредѣлить почное значеніе слова: *Философъ*; чтобъ не привалили меня за что-нибудь иное опъ того, что я дѣйствительно есмь. —

Почему пишется и говоритъся у насъ *Философъ*; а не *Филозофъ*, какъ у Нѣмцевъ, у Французовъ и Англичанъ? — Это слово Греческое; но опъ окончанія на *софъ* или на *зофъ*, принимаешъ оно не только совсѣмъ разныя значенія; но даже и выражаетъ совершенно противоположный смыслъ: *Философія* значить, по производству сего слова опъ *любви* и *мудрости*, (*φιλία*), *любо-мудріе*; а *Филозофія*, по производству опъ *любви* и *трака* (*ζόφος*), *любо-тракіе*. — И такъ я не *Филозофъ*, а *Философъ*. — Прошу не забыть этого.

Теперь расскажу мои походы.

Однажды, въ прекрасный день, вздумалъ я, подражая Платону, разхаживавшему по своимъ аллеямъ, прогулянься въ Царскосельскомъ саду; взялъ мѣсто въ дилижансѣ и опправился. — Со мною съла какая-то спарушка. — Пріѣхали. — Я направилъ путь мой въ садъ; а

спутница моя въ госпи. — Опъ пыли захо-
пѣлось мнѣ пить. — Я пошелъ къ молочницѣ
(*), по террасѣ осыняемой высокими и пѣнис-
стыми деревьями. — Какъ эти огромныя липы
глядящъ, думалъ я, въ окна Царскосельскаго
дворца, и — сколько произшествій видѣли! —
Онѣ видѣли, какъ возвращавшійся изъ Парижа,
Благословенный, указывалъ Архитектору чер-
тежъ пѣхъ *торжественно-скрольныхъ* воротъ,
на которыхъ написано: *Любезнымъ моимъ со-
служивцамъ*, съ той стороны, мимо которой
проходящъ грозные ряды сихъ славныхъ Его
сослуживцевъ; а съ другой, въ садъ, à mes chers
Compagnons d'Arme, для пѣхъ военныхъ пова-
рищъ, которые въ серпукахъ и фуражкахъ
шамъ съ Нимъ гуляли. — Онѣ видѣли, какъ
принесенную въ кабинетъ Его огромную вазу
— съ видомъ вступленія Его въ Парижъ, —
фарфоровый памятникъ, велѣлъ Онъ *оборотить
къ стѣнѣ* симъ изображеніемъ. — Онѣ видѣли
— прощальную Его прогулку, по любимымъ
мѣстамъ Царскосельскаго уединенія; гдѣ, какъ
солнце, въ разцвѣчаемомъ имъ облакѣ, скрывалъ
Онъ славу Свою; обдумывалъ великія предпо-
ложенія для щасія милой Ему и обожавшей
Его родины. — Видѣли, какъ прихаживали Пред-
ставители цѣлаго міра, узнать судьбы его
опъ сего Спарфійшины Царей. — Такъ мечшая
пришелъ я къ молочницѣ и съѣлъ *дометать*
на зеленой скамейкѣ; но меланхолическая дума
моя внезапно прервана какимъ-то дворникомъ,
которой съ посланною въ соломенной кар-
зинѣ башлыкомъ, пришелъ за водою; и покуда
она, довольно слабо, изъ позолоченнаго кув-

(*) Известный фонтанъ, предназначившій молочницу разбрыз-
нуть кувшинъ свой. —

шина въ бушылъ его нацѣживалась, — сползъ, прибоченясь, и смотрѣлъ на молочницу. — Мнѣ показалось, что онъ искалъ разгадать смыслъ сего памятника. — »Часполи ты сюда приходишь за водой?« — »Каждый день два раза.« — »Такъ ты вѣрно знаешь, что это за женщина, и за чѣмъ она присѣла подлѣ разби-паго кувшина?« — »Какъ же не знаешь; здѣсь всѣ знаютъ.« — »Расскажи пожалуста.« — И мой дворникъ, видя что я заѣзжій, кашлянулъ съ нѣкоторой важностью, и пошрепывая молочницу, такъ рассказалъ мнѣ повѣсть ее: »Вотъ видишь, барыня послала ее, съ дорогимъ кувшиномъ за водою; кувшинъ изъ руки выскользнулъ, да и разбился. — Она ахъ! да и ну плакать, не знаешь бѣдняжка какъ и глаза-по домой показать, безъ воды и безъ кувшина..... Бойтся барыни, »видно лиха.« — »Благодарствуй, любезный.« — »Не за что« — зашкнулъ бушылъ, приподнять немного шляпу и ушелъ. — Вотъ изъясненіе памятниковъ оныхъ пирамидъ Египетскихъ и колоссовъ Перувианскихъ, до — царскосельской молочницы! — Я вынулъ свой дорожный спаканъ, выпилъ чудесной воды этого ключа — и пошелъ куда было надобно. Въ уреченный часъ ѣду обратно въ дилижансѣ, и спарунка опять со мною. — Что сударыня, какъ провели время въ Царскомъ Селѣ? — Скучно бабюшка, не заспала хозяевъ своихъ дома; все ждала не прѣдупѣли изъ Гапчины; сидѣла одна подлѣ окномъ, да поглядывала на пустую улицу; — не прѣѣхали; пошла къ дилижансу; этотъ день годомъ мнѣ казался. — Спранное дѣло; а мнѣ, шопъ же самый день, зигомъ пролетѣлъ. — Чпожъ это значить? — Какъ могутъ часы равно соснотшіе изъ 60. минутъ каждый, бытъ для

вась длиннѣе, а для меня короче? — Не только шакъ, бапюшка, да и для меня то самой, очень часпо одинъ часъ бываетъ короче, а другой длиннѣе, попомъ оянь короче, — шакъ вошь диковинка! — Правда, что диковинка; да нужнобы разгадашь ее; она можешь бышь, много *другихъ диковинокъ* опкроешь. — Пышалась ужъ я, да ни какъ нельзя; даже у племянника своего, очень ученаго Академика спрашивала; но яснаго опвѣща не получала. »И со мной,« говоришь, »пешушка, тоже бываетъ, — эшо опъ скуки иной часъ по длиннѣе кажется.« — Вошь и все; а шамъ, какъ пущишься въ глубъ, по-ученому-то, да начнешь полковать, что по ихъ наукъ значить время, шакъ и свяпыхъ вонъ понеси! — Голова шакъ и опѣмьешь; а часъ-то еще длиннѣе покажется. — Ну, а естѣлибъ вашъ Академикъ опвѣчалъ вамъ, что *совѣсть ить времени*, чтобъ вы тогда сказали? — Ахъ бапюшка! что ты, перекрестись, ужъ ить времени! да кудажь ему дѣнься? Я сама его вижу по солнцу. — А слѣпой? — Слышишь какъ часы бьонкъ; скажешь кпо нибудь. — А глухослѣпой? — Вошь ужъ не могу сказашь наскоро какъ эшопъ-то узнаешь, копорый часъ? — Ну, не забудьте же объ эшомъ *глухослѣпомъ*, почипенная моя спупница; и скажише вашему ученому племяннику, что ѣхавъ изъ Царскаго Села, узнали вы опъ одного Философа, что шочно *совѣсть ить времени*; что мы проме-
жупокъ разныхъ явленій мѣряемъ особеннымъ вершкомъ, *щетоми нашихъ мыслей*, — и называемъ эшо временемъ. — Бышь не можешь, бапюшка! ты надомной старухой смѣешься, — какъ ить времени? — А часы то, дни, недѣли, мѣсяцы, годы, куда ты ихъ все де-

нешь? — А глухослѣпойго? Вотъ какъ сгоро
вы его забыли. Точно нѣтъ времени. Сами
разсудите: часы, дни, недѣли, — это все у-
словныя выраженія, названія того промежутка,
который я сей часъ изъяснилъ вамъ; ну а гдѣ
же видали вы время, само по-себѣ, безъ часовъ,
безъ недѣль, особо? — Оно есть только *мель-
каніе нашихъ мыслей*, одна за другою и
опъ того..... Но вотъ ужъ и моспъ..... мы
прѣхали прощайте сударыня; не забудьте
сообщить нашъ разговоръ вашему Академику
— Постараюсь бапюшка, какъ съумѣю; а
кудабъ хорошо, кабы вышло по вашему, — я
бы и часы мои, съ кокушкой, продала.

КАПЛИ ИЗЪ ДОЖДЯ ПОЗНАНІЯ.

Вѣра съ Любовью и безъ Любви.

*Блаженный Августинъ. Tractatus X. in
Epistolam Joannis Tom. III. p. 894. —
Paris. Opera Monachorum O. S. B.
ex Congr. S. Mauri. (*)*

Вотъ, что значить вѣровать, что Иисусъ есть Христосъ:
когда мы вѣруемъ, какъ Христіане вѣрують, которыхъ не имя
одно дѣлаеть Христіанами, а и жизнь и дѣла; которые не
такъ вѣрують, какъ Демоны: ибо и сѣи вѣрують и пренешуть,
какъ говоришь Писаніе. И какъ могутъ они вѣровать иначе, какъ
не сознавая только: — »Мы знаемъ, кто ты; Сынь Божій« — ?
Тоже самое и Пепръ исповѣдовалъ: — »Ты Сынь Бога живаго!«
— Тѣже слова, но не по чувство. Но почему же мы знаемъ,
что Пепръ исповѣдовадъ это по побужденію Любви? Вотъ по

(*) По извлеченіямъ Зайлера.

ему: *Вѣра съ Любовью есть Вѣра Христіанъ, а Вѣра безъ Любви есть Вѣра Демоновъ.*

Петръ исповѣдовалъ, чѣмъ бы Христа обнять, а Демоны исповѣдуютъ, чѣмъ бы удалитъ его отъ себя. —

Познаніе Истины.

Тертуліанъ. Opera emendata diligentia Rigaltii. Paris. De anima cap. I.

Кому когда либо дама Истина узнать себя

безъ Бога?

Кто позналъ Бога

безъ Христа?

Кто позналъ Христа

безъ Святаго Духа?

Кому сообщался Духъ Святый

безъ Таинства Вѣры.

Совершенствоѣтіе.

Климентъ Александрійскій. Opera per Joann. Gotterum Oxonii. Tom. I. Stromatum Lib. I. N. 11. p. 347.

Такъ и Философы дѣти, пока Христіанство не сдѣлаетъ ихъ мужами.

Педагогія.

Бл. Августинъ. Tom. V. Serm. CCCL. p. 1348.

Сстрахъ да будетъ воспитателемъ твоимъ: но да не оспаетъ онъ въ тебѣ, а да ведетъ тебя къ Любви, которая есть истинный учитель твой. —

Эпиграмма Сумарокова.

Кто хвалишь испину, доспонишь лютый казнь;
Онъ въ сердцѣ къ ближнему не чувствуетъ пріязни.
Какое въ немъ добро, коль такъ онъ хулитъ свѣтъ,
Хваля, чево ни гдѣ на полполушки щепъ. —

Ученый и невѣжда.

Все различіе между ученымъ и невѣждою состоитъ въ томъ,
что одинъ всѣми силами старается ничему не научиться, а
другой беззаботно и спокойно ничего не знаетъ.

Оксенштирнъ.

ОСТЪ - ЗЕЙСКІЯ ЗАПИСКИ.

Второе ПО ДРЕВНОСТИ УЧИЛИЩЕ ВЪ РЕВЕЛѢ. (Изъ той же сообщенной запискѣ.)

Привиллегіи Домскаго Училища вѣроятно строга держались; ибо въ послѣдствіи граждане нашли за нужное основанъ въ городѣ другую школу. Въ Магистратскомъ архивѣ хранится подлинникъ слѣдующей граматы Папы Маршина V отъ 1413. года, въ кошорой позволяется основанъ новую школу въ городѣ.

»Маршинъ Эпископъ, слуга слугъ Божьихъ, для вѣчной памяти о семъ предметѣ. Чувство искренней преданности, питаемое любезными дѣтьми, Консулами и Проконсулами города Ревеля, къ намъ и къ Церкви Римской, по достоинству заслуживаетъ, чтобы мы сколько съ помощію Божіею можемъ, милосердиво услышали прошенія ихъ, особенно тѣ, кои имѣютъ цѣлью, для желающихъ, облегчить способы къ

приобрѣтенію первоначальныхъ познаній. Прошеніе Консуловъ и Проконсуловъ къ намъ заключаетъ въ себѣ, что городъ весьма населенъ и изобилуетъ юношесствомъ, способнымъ къ приобретенію познаній, но что существуетъ въ городѣ для приобретенія первоначальныхъ познаній одно только училище внѣ стѣнъ городскихъ при большой церкви, на высотѣ 76 ступенекъ. Но такъ, какъ, сказано далѣе въ семъ прошеніи, нѣкоторые дѣти жителей упомянутого города, желающіе учиться первоначальнымъ познаніямъ, по причинѣ чрезвычайнаго разстоянія сего и высоты, также по причинѣ сильнаго холода, который въ частяхъ гѣхъ обыкновенно свирѣдствуетъ зимою, къ не малому сожалѣнію и прискорбію упомянутыхъ Консуловъ и Проконсуловъ вовсе не ходящъ въ училище, частью же не рѣдко пропускаютъ часы: по со стороны упомянутыхъ Консуловъ и Проконсуловъ предсавлено намъ нижайшее прошеніе, чтобы для удобнѣйшаго обученія дѣтей въ первоначальныхъ наукахъ была учреждена при какой нибудь приходской церкви другая школа, сей подобная, что мы по благосии Апостольской и удостоиваемъ утвердить и повелѣть. Мы же, ожидая, что черезъ сіе въ помѣ городъ увеличится Богопочишаніе, склоняясь къ сему прошенію, по

власни Апостольской симъ писаніемъ постановляемъ и повелѣваемъ, чѣобы при какой нибудь приходской церкви того города учреждено было училище, которую церковь должны будутъ выбрать сами Консулы и Проконсулы и пр.»

Сія первая школа въ нижнемъ городѣ называлась въ послѣдствіи Тривіальной. Она существовала до первыхъ годовъ текущаго столѣтія. Въ то время помѣщеніе ея предоставлено Каплической церкви.

Историческія отрывки
ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ ВЪ ДЕРПТѢ.
(Изъ *Diefländische Schulblätter* Альбануса.)

По древнѣйшимъ извѣстіямъ были уже во времена Епископовъ въ Дерптѣ два Училища, одно въ самомъ городѣ, а другое на такъ называемомъ Домѣ. Это видно изъ пропокола Дерпскаго Магистрата 9. Апрѣля 1554. года, гдѣ сказано: »Учитель Исаакъ жаловался, что вечеромъ на улицѣ близъ кладбища на него напали Учитель Домскаго Училища и пѣвческій ученикъ съ обнаженнымъ оружіемъ.« Магистратъ велѣлъ предложить это дѣло Кани-

пулу; на что Дехантъ сдѣлалъ донесеніе:
 »Что Учитель Исаакъ написалъ письмо къ
 Домскому Учителю, въ которомъ Латинскій
 языкъ найденъ нѣсколько весьма неприличнымъ
 (das Latein — etlichermaßen sehr incongrue) и достой-
 ный Капитулъ также оскорбленъ сими
 почти не учивыми рѣченіями.«

А въ прополокъ 25. Февраля 1551. года
 сказано:

»Предлагали Старосты общественной каз-
 ны въ присутствіи Посланныхъ отъ большой
 Гильдіи Е. Е. Р., что школьные Учителя
 (Schulgesellen) почти всею хопяшъ опойши, если
 не обезпечать ихъ харчью. — Объ этомъ много
 было говорено; но не рѣшено ничего, а остав-
 лено для разсужденія.«

Примѣчаніе: Въ началѣ 16. вѣка должны
 были граждане большихъ городовъ Лифлянд-
 скихъ, за недоспапокъ годныхъ Училищъ, по-
 сылашъ дѣтей своихъ въ какія нибудь инозем-
 ныя школы. Школа въ Трепторѣ въ Поме-
 раніи была обыкновенно для того избираема;
 она славилась тогда двумя Учителями своими,
 Іоанномъ Бугенгагеномъ и Андреемъ Кнепкеномъ.

По завоеваніи города Великимъ Княземъ
 Іоанномъ Васильевичемъ испрашиваемо было въ
 капитулаціи отъ 19. Іюля 1558. года городомъ

позволеніе оставити школы на старыхъ правахъ. —

По заключеніи мира между Россіею и Польшею въ Запальѣ 15. Января 1582. года до-
спался Дерпнтъ во власнъ Стефана. И какъ
скоро городъ приведенъ нѣсколько въ лучшее
состояніе, то приняли мѣры и о приведеніи
въ порядокъ Училищъ и о помѣщеніи въ нихъ
способныхъ Учениелей; но какъ имущество
города и церквей было разорено, то граждане
складывались для составленія суммы на жало-
ванье Учениелямъ, и сверхъ того обязывались
холоснымъ изъ нихъ давать споль. Смотри
протоколъ 1585. года 4. Ноября.

Примѣчаніе: Въ послѣднія времена Ор-
дена неоднократно помышляли о заведеніи хо-
рошихъ Училищъ въ Лифляндіи. Георгъ Мел-
неръ дѣлалъ о томъ предложеніе Орденомъ-
сперу Вильгельму фонъ Фирстенбергу. Гот-
гардъ Кеплеръ предлагалъ черезъ Георга Зи-
борга знаменитому Хипрею, завести въ Пер-
навѣ Гимназію и быть въ ней Ректоромъ. Въ
сей Гимназій предположено было обучать язы-
камъ, краснорѣчію и Богословіи, преподавать
дѣтямъ Эстовъ, Латышей и Куровъ Латин-
скій языкъ и направляя ихъ въ Христіанскомъ
Вѣроученіи приготовлять въ проповѣдники.

Но планъ сей остался безъ исполненія по причинѣ бывшихъ въ послѣдствіи войнъ. Смори Гадебуша *Abhandlungen von Liefländischen Geschichtschreibern* §. 28.

Во время Шведскаго правленія основана была въ Дерптѣ сверхъ городской школы такъ названная казенная школа съ тремя Учителями и Гимназія съ восьмью Профессорами, которая въ послѣдствіи преобразована въ высшее Народное Училище. Оба первыя заведенія въ 1689. году соединены подъ общимъ названіемъ казенной и городской школы. Въ семъ видѣ безъ значительныхъ перемѣнъ существовала она во время Русскаго правленія до учрежденія Намѣстническаго, когда образовано изъ нея Главное Народное Училище, которое и оставалось до учрежденія въ 1804. году Гимназій и Уѣздныхъ Училищъ.

Училища для дѣвицъ въ Дерптѣ не было до 1748. года. Въ семъ году стараніями Пастора Флашинга учреждено такое училище. Въ 1804. году и сія школа преобразована.

ЖЕМЧУЖНАЯ ЛОВЛЯ ВЪ ЭСТЛЯНДИИ.

Въ 1694. напечатанъ въ Штокгольмѣ Королевскій плакатъ, касающійся жемчужной

ловли въ Эспляндіи, Лифляндіи и Ингерманландіи. Вошъ извлеченіе изъ него.

Мы, Карлъ, Божіею милоспью, Король Шведовъ, Готтѣвъ и Вендовъ, Великій Князь Финляндіи, Герцогъ въ Шоненъ, Эстоніи, Лифляндіи, Кареліи, Бременъ, Верденъ, Спешпингъ Померанскомъ, Князь Кассубовъ и Вендовъ на Рюгенъ, Государь Ингерманландіи и Висмара, также Графъ Палашинъ Баваріи близъ Рейна, Герцогъ въ Юлихъ, Клеве и Бергенъ и проч., симъ объявляемъ, что, узнавъ, что въ разныхъ мѣстахъ нашего Государства и Областей нашихъ есть много рѣкъ и озеръ, гдѣ часно попадаются жемчужныя раковины, ошъ копорыхъ, если только какъ должно пользоваться ими, можетъ произойти не малая выгода для насъ, между шѣмъ какъ Намъ извѣстно, что теперь люди чужіе сею выгодою пользуются. По сему Мы почли за нужное дать сей плакатъ, копорымъ повелѣваемъ ошнынъ такую жемчужную ловлю почищать Нашею и Короны Нашей принадлежностью.

Помомъ предписываются нѣкоторыя правила; какъ весни смотрѣніе за сею жемчужною ловлею, опредѣляются Чиновники и пр. Подписанъ плакатъ 22. Декабря 1694.

На морскомъ берегу во владѣніяхъ Графа Штенбока еще въ срединѣ прошлаго вѣка,

попадались, говорящъ, жемчужныя раковины, но очень незначительныя. Русское Правительство взяло было ловлю въ казну; но въ послѣдствіи оставило безъ вниманія по причинѣ неважности промысла. —

Нѣсколько словъ
О БИБЛІОТЕКАХЪ ВЪ РЕВЕЛѢ.
(Изъ сообщенной записки.)

Древнѣйшею библіотекою въ Ревелѣ должно счищать библіотеку церкви Св. Олая. Она ведетъ начало свое со времени введенія Реформациі въ Ревелѣ. Въ ней заключается довольно большое число книгъ церковныхъ и вообще духовнаго содержанія, по большей части изъ 16. и 17. столѣтій, также хранятся нѣсколько собственноручныхъ писемъ Доктора Люпера. Кажется, что во время чуждыхъ войнъ Шведовъ съ Поляками и Русскими, въ конторы и Эспляндія и Ревелѣ часто принимали дѣятельное участіе, библіотека сія пришла въ забвеніе. Съ тѣхъ поръ какъ опустошенный чумою Ревелѣ поступилъ во владѣніе Русское, она уже оставалась болѣе историческимъ памятникомъ, и занедоспадкою церковной суммы не была уже умножаема. 16. Іюня 1820.

года сгорѣла отъ молніи церковь Св. Олая; но библіотека спасена. Съ тѣхъ поръ хранилась она въ отведенной для того городомъ комнатѣ, безъ употребленія. Но вскорѣ понадобилось новое помѣщеніе ея для другихъ нуждъ: ее сложили въ ящики и поспавили на чердакъ къ одному изъ Госп. Церковныхъ Старостъ.

И при Магистратѣ здѣшнемъ есть подобное собраніе книгъ, большею частью спаринныхъ юридическихъ. Библіотека сія безъ сомнѣнія основана для употребленія Гг. Членовъ Магистрата, а можетъ быть и прочихъ правовѣдцевъ сего города, но уже болѣе спользія не соотвѣтствуетъ сему назначенію, заключенная въ темномъ углу Рапгауза и какъ бы осужденная и не видашь и не сообщашъ свѣта.

Тоже должно сказать о собраніи книгъ здѣшняго Шварценгейптерскаго Общества, состоящемъ изъ нѣсколькихъ сотъ томовъ Богословскихъ книгъ и подаренномъ Обществу бывшимъ Суперинтендентомъ Тунцельманомъ. Она уложена въ ящики и болѣе спользія хранился на чердакъ Шварценгейптерскаго дома.

Еще существуютъ въ Ревелѣ библіотеки при Гимназіи, при Поршовомъ Вѣдомствѣ, при

Вынигородскомъ и другихъ Училищахъ. Гимназическая значительнѣе прочихъ. Она составила вѣроятно изъ добровольныхъ приношеній Учительей. Въ ней много книгъ изъ 17. есть также изъ 16. спользія. Есть между прочимъ Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича, подаренное бывшимъ въ началѣ прошедшаго спользія Учителемъ Русскаго Языка. Также замѣчательно въ одномъ переплетѣ съ Пепреіемъ сочиненіе Георга фонъ Гофа, жившаго близъ Наумбурга, о люпосіяхъ Іоанна Васильевича, большою частью слово въ слово сходное съ донесеніемъ Таубе и Крузе Кеплеру; кошорое напечатано Эверсомъ. Гофъ говоритъ въ предисловіи, что онъ написалъ это сочиненіе со словъ одного Помѣщика въ Курляндіи, когда проѣзжалъ черезъ нее. Можетъ быть самъ же Таубе или Крузе диктовель ему. Есть однакоже довольно и несходствъ, особенно въ именахъ. Напечатано это соч. 1582. года, не сказано гдѣ.

Портовая библіотека состоитъ большою частью изъ Русскихъ книгъ. Давно она уже не умножается. Много въ ней и неполныхъ сочиненій. Впрочемъ есть и значительныя книги, какъ-то большая часть путешествій по Россіи въ Царствованіе Екатерины, математическія и мореплавательныя сочиненія.

Библиотека Вышгородскаго Училища происхожденія новаго, ибо нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій, чтобы было при семь древнѣйшемъ въ Ревелѣ Училищѣ когда либо въ прежнія времена особенное собраніе книгъ. Съ 1772. года, когда Училище сіе преобразована Дворянствомъ, составлялось она постепенно изъ подарковъ Господъ Попечителей Училища и другихъ благотворителей. Она состоитъ большею частью изъ книгъ относящихся къ изящной Литературѣ. —

Библиотеки прочихъ Училищъ ведутъ свое начало не далѣе, какъ съ первыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія.

Другихъ публичныхъ библиотекъ нѣтъ; частныя есть довольно значительныя.

КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

(Записка Г. Подполковника *Дингельштедта*.)

1820. года Маія 16. по полудни въ 4 часа, при хорошей погодѣ подулъ слабой сѣверовосточной вѣтръ; подняли якорь; поставили паруса, и мы оставили Кронштадтъ. Четыре другія купеческія судна разныхъ націй, сплывшія вмѣстѣ съ нами на рейдѣ, понеслись на всѣхъ парусахъ какъ лебеди по Финскому заливу.

Черезъ нѣсколько часовъ судно наше, вѣроятно опъ конспрукціи или несоразмѣрнаго груза, состоявшаго изъ мѣди, оспалось далеко назади, чему я досадовалъ. 17. числа шогожъ мѣсяца прошли мы благополучно опасной узкой фарваперъ близъ острова Гохланда, а 18. были въ виду Ревеля. Я любовался, смопря на гигантскую бѣлую башню церкви Св. Олая, (высопа оной со шпицомъ была 72 сажени), которая попомъ черезъ мѣсяцъ опъ удара молніи загорѣлась, такъ, что оспались одни только стѣны и своды, которые также большею частію повреждены.

Капитанъ судна былъ радъ что вышелъ изъ Финскаго залива; онъ увѣрялъ меня, что плаваніе наше теперь будетъ продолжаться безъ всякой опасности.

18. числа съ полудни вѣтеръ сдѣлался свѣжѣе и сильный дождь не переспавалъ лишь, а въ ночи на 19. число сдѣлалась буря и штормъ, во время коего къ великому несчастію судно наше повредилось близъ кия, опъ чего вода сильно напекала въ пріюмъ, что однако мнѣ было неизвѣстно. По ушру, проснувшись почувствовалъ я сильно морскую болѣзнь, искалъ въ каютѣ Капитана, но онъ уже давно дѣлалъ распоряженіе на суднѣ; я дернулъ за проведенной къ колокольчику шнурокъ, и скоро при-

бѣжалъ ко мнѣ въ каюту мальчикъ. Ужасныя волны наводили на меня спрахъ. Я приказалъ ему окна закрытьъ спавнями. Въ каютѣ спало мрачно; слабый свѣтъ проникалъ единственно чрезъ небольшое окно надъ верхомъ каюта. Это произвело во мнѣ какое-то унылое чувство; казалось, что я живой погребенъ въ могилѣ. Выскочивъ изъ кой (висящая на корабляхъ кроватъ) спѣшилъ одѣться; но ни какъ не могъ успоить на ногахъ опъ сильной качки судна, принужденъ былъ, схватя поропливо плащя, сѣсть на полу въ углу и такимъ образомъ съ трудомъ кое какъ одѣлся.

Взойдя на палубу, вижу что нѣкоторые мапросы сѣяшся опкачивашъ воду, другіе въ прюмъ, чѣобъ опыскашъ поврежденное мѣсто, и его задѣлашъ; но всѣ спаранія ихъ бесполезны; все проспранство прюма загружено большою пѣжеспію въ слипкахъ мѣди, и чѣобъ мѣсто это до низу очиспить нужно было много людей и времени. Между тѣмъ разстроенный Капишанъ спускается съ мачшы, держа въ рукахъ зрительную трубу. Онъ спарался скрыть опъ меня наше бѣдспвенное положеніе; ему подали фонарь и онъ идетъ въ прюмъ, но вскорѣ выходитъ съ мапросами, удостовѣрившись самъ, что всѣ усилія спасшъ

судно бесполезны; воды болѣе прибывало, нежели помпами успѣвали опливать.

Не могу изъяснить словами дѣйствія такого бѣдснвеннаго положенія на чувства душевныя; смотрю кругомъ себя, не вижу береговъ ни другихъ вблизи мореплавателей; отъ страха и воображенія я какъ бы полумертвъ спалъ; и, рыдая, началъ я усердно молишься Богу. — Шкиперъ, увидя это, утѣшалъ меня, говоря, что если судно наше и должно погибнуть, то жизнь нашу мы спасемъ на баркасъ, находившемся на Суднѣ; и что на поднятой флагъ изображающій наше бѣдсвие вѣроятно не замедлитъ приближиться какое нибудь судно для подавнн намъ помощи; все сие меня еще болѣе увѣрило, что мы находились въ дѣйствительной опасности.

Опливаніе воды помпами весьма тяжелая работа; 6. человекъ матросовъ хопя беспрестанно перемѣнялись, но скоро выбились изъ силъ; пришлось Капитану и мнѣ имъ помогать (ибо на небольшомъ суднѣ больше никого не было); но я скоро принужденъ былъ сию трудную работу оставить. Наконецъ отъ безпре-
сманнаго дѣйствія помпа испортилась, опасность, сдѣлавшись жертвою разъяренной стихіи, ежеминутно увеличивалась; я просилъ Бога о прощеніи грѣховъ и приугошовлялся

къ ожидающей насъ всѣхъ спрashiной участи. Изнуренный симъ, лежалъ я уже безъ чувствъ подлѣ мачины. — Вдругъ ко всеобщей нашей радости усмотрено въ дали купеческое судно. Скоро подошло оно такъ близко, что Шкипера между собою на руперахъ разговорились; мы объявили наше несчастіе и просили скорой помощи. — Легко можно себѣ представитъ сколь утѣшительно мнѣ было, когда Капитанъ объявилъ, что это Голландское судно и что Капитанъ онаго обѣщался подать намъ помощь; я былъ внѣ себя отъ радости и благодарилъ Провидѣніе; но вдругъ неожиданно надежда наша исчезла, радость превратилась въ большую прежней печаль и отчаяніе; бесчеловѣчный Шкиперъ насъ оставилъ и скрылся уже изъ глазъ. — Нашъ Шкиперъ послѣ того беспрестанно смотрѣлъ въ зрительную трубу и чрезъ часъ увидѣлъ въ дали Англійское судно, шедшее къ намъ. Я ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ его приближенія; — но кто повѣритъ равнодушію и хладнокровію сего Англичанина? онъ не только не подаль намъ помощи, но приблизился единственно чтобы посмѣяться нашему несчастію; поговоривъ нѣсколько словъ съ нашимъ Шкиперомъ, онъ насъ оставилъ. Не получивъ помощи отъ втораго судна мы снова впади въ печаль и смущеніе.

Галыясъ нашъ болѣе и болѣе наливался водою, такъ, что равновѣсіе онаго должно было скоро поперяпъся. — Къ неизъяснимой радости одинъ изъ мапросовъ, сидѣвшій на мачтѣ у-смотрѣлъ въ дали еще судно, идущее къ намъ. Со страхомъ и неперпеніемъ ожидали мы его приближенія и имѣли уже полную надежду, что хопъ оно подасъ намъ помощь. — Это было Любское судно, шедшее какъ и первые два изъ Кроншпана. По приближеніи Капитанъ нашъ пересказавъ свое несчастіе, просилъ насъ взять на судно; но жестокосердый отвѣтъ его насъ поразилъ какъ бы громомъ: »не могу васъ взять; у меня 23 пассажира, и я не имѣю для васъ провизіи.« Сказавъ это, далъ поворотъ и оплылъ. — Это опняло у насъ всю надежду къ избѣжанію близко предстоящей гибели и, казалось, на самихъ беспспашныхъ мапросовъ имѣло дѣйствіе; они долго въ молчаніи смотрѣли одинъ на другаго попомъ спрашивали у Капитана рѣшительнаго приказанія, коимъ отвѣчалъ: дѣши, дѣлайте что хотите! Сей отвѣтъ привелъ меня въ трепетъ; жестокая мысль о неизбѣжной смерти! Но Небесное Провидѣніе часто и самые мрачные дни нашей жизни озаряетъ лучами очаровательной надежды; мапросы единодушно рѣшились оставить судно, по-

спѣшно начали готовитьъ большой баркасъ, чѣмъ спустить его съ судна наводу и на ономъ искать спасенія; Штурманъ нашъ заботился, чѣмъ не позабыть взять съ собою необходимо нужное, т. е., карту, компасъ, фонарь и провизію. — Какое отважное предпріятіе въ открытомъ морѣ плыть въ лодкѣ! Но другаго средства небыло, времени оставалось мало и нужна была рѣшительность. Уже баркасъ начали спускать наводу и мы готовились съѣсть въ оный; вдругъ корабельный юнга какъ стрѣла спустился съ высоты мачты, у которой я лежалъ какъ бы осужденный на смерть. Онъ увидѣлъ въ дали еще одно идущее къ намъ судно. Я вспалъ, но ни какъ не могъ еще видѣть идущаго судна; слова его хопя меня не мало обрадовали, но спросъ, что мы вѣрояно не дождемся его приближенія къ намъ, превозмогалъ; судно наше уже такъ налилосъ водою, что едва удерживалось на поверхности воды. (До слѣд. книжки.)

Изъ пушковыхъ
ЗАПИСОКЪ Г. ГЕНЕРАЛА ДЕЛИВРОНА,
писанныхъ на Французскомъ.

На лхшѣ Памладъ 4. Октября 1812. года.

Жребій брошенъ; должно оставить Петербургъ, пышный городъ, столицу Царей,

обитель искусствъ и удовольствій! Туманъ
осени, подобно печальному покрову, одѣваетъ
башни твои, скрываетъ пышныя зданія. Ты сего
дня образъ всего царства Русскаго: страхъ и
безпокойство и его поверхность облегаешь.
Непріятель въ Москвѣ. О Москва! ты, пере-
жившая сполько вѣковъ, ты, славная обиліемъ
своимъ, сердце царства Русскаго, справедливо
гордящееся Героями, коихъ видѣла рожденіе и
коихъ останки хранишь въ сѣбѣнахъ своихъ,
ты нынѣ жернова похищивша! твои храмы,
изъ коихъ денно и ночью возносился гиміамъ
къ преспоу Вѣчнаго, осквернены порокомъ и
звѣрствомъ! Солдаты необузданные обираютъ
въ дворцахъ твоихъ, Обители щастія и мира,
дома твои спали обителями насилія и вопля
невинности. Ты поникнула главою подъ иго
иноплемненное. — Но возстанешь ты! скоро
возстанешь изъ пепла и къ небу воздѣнешь
главу! Какъ солнце разсѣешь черно-багровыя
облака, угрожающія землѣ молніею разруши-
тельною, и заспавишь ихъ пасть на нее дож-
демъ благотворнымъ, Купузовъ, увѣнчанный
лавромъ безсмертія, освободитель опчизны,
поведетъ войска твои къ побѣдѣ: они завою-
ютъ миръ, прогонятъ непріятеля, и обольетъ
онъ кровью своею землю Русскую и упучнитъ
поля ея. Какъ ураганъ свирѣпый, Галль ринулся

на поля твоя, и скосилъ цвѣты твои и низповергъ много гордыхъ дубовъ твоихъ; но какъ утѣшишь но-сившій ихъ, царство могущее! ты преодолѣешь неистовства бури. Вѣра, вѣрность къ тебѣ чадо твоихъ, храбрость твоихъ полковъ, мудрость и доблесть твоихъ военачальниковъ, вошь неколебимыя основанія твоя. Какъ колокольни столицы твоей, въ шуманъ погру-женные, снова возсіяютъ въ лучахъ солнеч-ныхъ, такъ и ты, изшедши изъ борьбы твоей, блескомъ новой славой озаришься!

Шестъ часовъ утра. Сладкимъ сномъ по-чѣютъ обитатели твои, вѣрный городъ! Пустьъ почѣютъ! Провидѣнне бодрствуетъ за нихъ. Оно сохранитъ ихъ. Прости супруга драгая! прости и ты, лишь недѣлями еще счищающая жизнь свою, копорой я какъ бы по предчувствію далъ имена Надеж-ды и Викторіи! Имена твои напомина-ютъ мнѣ, что сладостная надежда намъ о-стается; и когда побѣда увѣнчаетъ Август-тѣйшее чело нашего возлюбленнаго Самодержца, тогда и мы раздѣлимъ радость дѣшей его. —

Но вошь и послѣднія башни скрываются отъ глазъ нашихъ. Прощайте! прощайте! —

РАЗГОВОРЪ НА БУЛЬВАРЪ.

А. Б...чѣ. Ксшаша о вашихъ надгробныхъ пѣсняхъ. Послушайте! Если вы уже взялись осппѣвать знаменитыхъ нашего времени, такъ осппойте, знаесли еще кого? Человѣкъ онъ едвали многимъ меньше знаменитый, чѣмъ Гегель и Гёте.

Я. Вы разумѣете Кювье? но въ Радугѣ не идетъ говорить объ немъ.

А. Б...чѣ. А почемуже?

Я. Онъ не занимался никогда исключительно тѣми предметами, о которыхъ предположила говорить Радуга. Еслибы Радуга была журналъ *всеобъемлющій*, то я наспроилъ бы какъ можно согласнѣ лиру души и, собравшись со всѣмъ умѣніемъ, какое только имѣю, прозвучалъ бы поску по семъ полезномъ служилелъ человѣчества и —

А. Б...чѣ. Прославлялъ бы принялись?

Я. Да. Но вы мнѣ не дали договорить. Я хотѣлъ сказать: и накинулъ бы дымку забвенія на его грѣшныя помыслы.

А. Б...чѣ. За чпоже это? Развѣ онъ и Гегель и Гёте не всеравно? развѣ не одному идолу поклонялись?

Я. А мнѣ какое дѣло? Будь онъ хоть и хуже ихъ. Пусть поклонялся кому хотѣлъ. Я только знаю, что Кювье, не занимаясь исключительно мудрованіями, если и имѣлъ кривыя понятія, но покрайней мѣрѣ не могъ имъ дать никакой силы и прелести и слѣдовательно никакого вліянія, какую силу и прелестъ и какое вліяіе дали Гегель и Гёте своимъ кривымъ понятіямъ.

А. Б...чѣ. Какъ же? А развѣ Кювье мало людей сбиль съ пупи своими гипотезами о попопѣ, допопопномъ мірѣ и пр.?

Я. Не знаю, могъ ли бы онъ одинъ сбиль кого. Я думаю, если бы не собсшвенно такъ называемые Философы, то его гипотезы давно бы попали въ попопъ же разрядъ, въ какомъ поспавлена гипотѣза Бюффона, что земля естѣ кусокъ солнца, оппорванный отъ него хвосщбмъ кометы. Кому вредящъ подобныя гипотезы? Изслѣдованія же Кювье не переспаюшъ чрезъ это бышъ полезными.

А. Б...чѣ. Да вѣдь васъ непереспорить. Ну, а о смерти и погребеніи того, о копорѣмъ М. А. вамъ письмо чиналъ, что скажете?

Я. Ни смерти, ни погребенія не понимаю, со спрахомъ думаю о завѣщаніи его: но сказашъ не могу ничего; Богу судишъ его, а не людямъ.

А. Б...чѣ. Что это? народу какое множесшво съ форшпадша валишъ?

Я. Да, и я смолрю. Это изъ Геригушерской молельни. Но всякое Воскресеніе по поспобѣдамъ пѣамъ бываюшъ чшенія, а такого множесшва я еще не видывалъ. Посмотрите, вся улица запружена. Не приѣхалъ ли ужъ знаменишый ихъ Проповѣдникъ?

А. Б...чѣ. Керсентъ? Въ самомъ дѣлѣ: вонъ карета, вощъ еще, еще —

Я. Удивительный человекъ, эпопъ Керсентъ. Онъ былъ Уншеръ-Офицеромъ, зашелъ гдѣ-то въ Германіи къ одному богобоязливому человеку; попопъ познакомилъ его съ Св. Писаніемъ и — съ пѣхъ поръ онъ сдѣлался набожнымъ человекомъ и вѣрующимъ Хрисціаниномъ.

А. Б...чѣ. Онъ здѣшній?

Я. Ныпъ, мнѣ сказывали, что онъ изъ Брауншвейга. Теперь онъ живетъ не далеко отъ сюда сельскимъ хозяиномъ. Ведетъ, говорятъ, жизнь примѣрную.

А. Б...чь. И проповѣдуетъ, говорятъ, прекрасно.

Я. То-то и я жалю, что не удалось ни разу послушать его. Онъ раза два въ годъ только и приезжаетъ сюда.

А. Б...чь. Въ Маршѣ, кажется, онъ былъ здѣсь. Тогда былъ тамъ ужасный стѣздъ. И знати множество было.

(Встрѣча съ О. А...вной и Г. ф. Гихъпомъ.)

О. А...вна. А еще журналистъ! Не слышавъ такого знамешаго проповѣдника.

Я. Такъ онъ точно здѣсь? Право не зналъ; а что я непременно хотѣлъ ийти къ нему. Все ли въ добромъ здоровьи, О. А...вна?

Г. ф. Гихъпъ. *Schade, daß Sie nicht da waren. Er hat mit vieler Salbung gesprochen.*

А. Б...чь. *Ja, es thut mir auch leid. Gnädige Frau befinden sich wohl?*

О. А...вна. Со мной, батюшка, прошу по Русски. Благодарю; по немногу. Чпожъ, насъ вовсе забыли, Г журналистъ?

Я. Виновать. Право, время....

Г. ф. Гихъпъ. До насъ ли ему теперь. Зарылся. Да съ Филинами, знашь, и веселѣе.

Я. Супругъ вашъ не живъ, чпобы не уколошь.

О. А...вна къ А. Б. чю. Жаль, что вы не были у Керстена. Проповѣдь его рѣшила бы нашъ наемнишній споръ. Прекраснѣйшая проповѣдь.

А. Б...чь. Но иногда и прекрасное можетъ быть не совсѣмъ справедливо.

Г. ф. Гихъпъ. Да, прекрасная проповѣдь.

Я. А что, если смѣю спросить, было главное содержаніе ея?

О. А...вна. Онъ прекрасно сравнивалъ Вѣтхій и Новый Заветъ; говорилъ что Іегова Вѣтхаго Завета есть Тотъ же самый всемогущій и милосердый Богъ, Которому и мы новозавѣтные поклоняемся. Особенно понравилось мнѣ, какъ онъ совѣщуетъ быть снисходительнымъ къ ближнимъ. Дерево высохло, говоритъ онъ; вы хотите срубить его; не будите жестокосерды; погодите рубить; погодите, можете быть дерево не совсемъ еще высохло; можете быть есть еще хоть одна вѣточка на немъ живая; можете быть она оживетъ еще. Богъ насъ милуетъ..... Прекрасно говорилъ (у О. А. ...вы слезы на глазахъ.)

Я. Да, А. Б...чь! Если такою любовью Христіанскою одушевлено Братство Герингушеровъ, если и всѣ правила ихъ такія, то почему не желать, чтобы они были не ихъ только правилами, а общими.

А. Б...чь. Однакоже есть люди, которымъ нехотѣлось бы этого.

О. А...вна. Я сама часто слышу, какъ ихъ бранятъ.

Я. Бранить-то бы пусть бранили; что за бѣда: иной бранить, самъ не знаетъ за что.

А. Б...чь. А то, какъ доказывать примуся...

Я. Нѣтъ; что Истина, то устоитъ противъ всякихъ доказательствъ, какъ бы они не усиливались опровергнуть ее. Одного я только до сихъ поръ еще не знаю, — какъ они понимаютъ слово: Общество....

Г. Ф. Гихль. Что-то свѣжо, О. А...вна.

О. А...вна. Не угодно ли, Господа, къ намъ на чашку чаю?

Г. ф. Гихъшъ. Милоспи просимъ.

Я. Позвольте мнѣ только мимоходомъ въ типографію забѣжать, я поспѣю же.....

Имена подписавшихся мѣстъ и особъ.

До 23. Маія.

Въ Ревелѣ: Его Прев. Г. Генералъ-Лейтенантъ Маркевичъ.
 Училищъ: Гимназіи: въ Слуцкѣ (пропущена въ 4. классѣ), въ Архангельскѣ, въ Петрозаводскѣ, въ Новгородѣ, въ Ярославѣ, въ Тамбовѣ; Уздныя Училища: въ Новгородѣ, въ Боровнахъ, въ Белозерскѣ, въ Вытегрѣ, въ Мезени, въ Холмогорахъ, въ Олонецѣ, въ Исковѣ, въ Каргополоѣ, въ Тюменѣ, въ Онегѣ, въ Курганѣ, въ Яренскѣ, въ Ялуторовскѣ, Ишимѣ, въ Турнискѣ, въ Архангельскѣ.
 Въ Москвѣ: Его Вб. Г. Краузе; Его Врд. Г. Сп. Сов. Лазаревъ.

Ist zu drucken erlaubt.

Reval, den 27. May 1832.

Im Namen der Civil-Oberverwaltung
 der Ostsee-Provinzen.

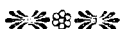
Regierungs-Massessor Baron v. Rosen.
 in Abwesenheit des Censors.

Содержаніе Радуги:

	Стр.
Изъ перваго Христологическаго чтенія Г. Сарторіуса	313
Окончаніе 4. Опломка Философскаго Мозаика:	
Сила Притяженія	323
Первое замѣч. на 5. Опломокъ отъ Философскаго Мозаика	337
Эолова Арфа и Кремонская Скрипка. Басня	350
Біографическое извѣщеніе о Гамаанъ	351
Изъ размышленій Гамаана о собственной жизни	355
Изъ перенесенія Жан-Поля Рихтера съ Христианомъ Ошшо	362
5. Опломокъ отъ Философскаго Мозаика:	
Нѣсколько строкъ въ Исторію Наукъ	375
Графъ Сенъ Симонъ и Сенъ Симонисны	379
Осколокъ отъ Философскаго Мозаика: Поездка Философа въ Дилижансъ	385
Капли изъ дождя познанія	390

Содержаніе Остѣ-Зейскихъ Записокъ:

	Стр.
Второе по древности Училище въ Ревелѣ	65
Историческія опирывки объ Училищахъ въ Дерптѣ	65
Нѣсколько словъ о бібліотекахъ въ Ревелѣ	70
Кораблекрушеніе	75
Изъ путевыхъ записокъ Г. Генерала Деливрона	79
Разговоръ на Бульварѣ	82

Журнала сего выходитъ ежемѣсячно по одной книжкѣ, величиною отъ 5хъ до 6и и болѣе печатныхъ листовъ. Цѣна годовому изданію, состоящему изъ 12. книжекъ, въ Ревелѣ 20, съ пересылкою во все города Россійской Имперіи 24 рубля асс. Для Училищъ цѣна 18 р. асс., съ перес; серебро считается по установленному курсу. — Въ Москвѣ подписка принимается въ Газетной Экспедиціи и въ Конторѣ Телеграфа, въ С. Петербургѣ въ Газетной Экспедиціи и въ книжномъ магазинѣ А. Ф. Смирдина. Прочіе Гг. Нижегородные благоволятъ адресоваться также на имя издателя Андр. Пав. Бюргера въ Ревель. —